

СМЕНА

13
1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На Цимлянском море.
Фото А. Монцева

УТРО НАШЕЙ РОДИНЫ
Фрагмент картины Ф. Шурпина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль, № 13. 1952 год.

Год
издания
29-й

Общий вид водосливной плотины Цимлянского гидроузла.

НАШ ПРАЗДНИК

Радостные, волнующие дни переживает наша страна. Вдохновенным гением товарища Сталина, советские люди одержали большую победу на фронте мирного труда: вступила в строй первая очередь великих строек коммунизма — Волго-Донской канала, связавший в единую водную транспортную магистраль все моря европейской части Советского Союза.

В своей речи перед избирателями 9 февраля 1946 года товарищ Сталин поставил задачу примерно за три пятiletия утратить промышленное производство по сравнению с довоенным уровнем. Эта задача может быть решена на основе мощного роста науки и техники, развития социалистического соревнования, на основе роста нашего народного хозяйства и создания материально-технической базы коммунизма.

Строительство величайших сооружений на Волге, Днепре, Дону и Аму-Дарье имеет огромное значение для народного хозяйства. Недаром наш народ назвал их сталинскими стройками коммунизма. В эти дни трудящиеся Советского Союза принимают первый дар. Осуществилась многовековая мечта народа. В извечном короткий срок соорудил стокилометровый судоходный канал, соединяющий две великие реки Волгу и Дон, канала с многочисленными шлюзами и крупными водохранилищами. Высокая плотина преградила путь донской воде, и в бескрайних степях широко разлилась Цимлянская вода. По разветвленной оросительной сети пришла вода на полях сто тысяч гектаров плодороднейшей, но засухлившей земли. Заэлектрическая энергия Цимлянской ГЭС привнесла в движение тысячи станков и машин, осветила десятки районов.

Сооружению Волго-Донского судоходного канала, Цимлянского моря, электростанции, оросительной системы — это новый гигантский шаг вперед по пути процветания любимой Родины, по пути к коммунизму. Усиление водотранспортных связей промышленности и сельскохозяйственных районов, дешёвая электроэнергия уже сейчас позволяют ещё шире развивать промышленность в междуречье Волги и Дона. Цимлянская вода, оросительная система меняют климат, дают возможность козакским и стовокам вырабатывать обильный урожай независимо от капризов природы. Почти три миллиона гектаров земли будут обводнены и орошены. На сотни километров вокруг зацветут сады и виноградники, степей станут хлеба, буфно поднимутся густые травы. Прочное место в севооборотах займут ценные культуры, как хлопок и рис, которые никогда здесь не выращивались.

Завершение первой великой стройки коммунизма означает дальнейшее укрепление силы и могущества нашего государства, материальный и духовный рост советских людей.

Постройка гигантской водной магистралью и связанного с ней целого комплекса гидротехнических и энергетических сооружений — яркое доказательство превосходства советской социалистической системы перед системой капиталистической. Только нашему советскому народу, народу-творцу и создателю, по плечу осуществление таких грандиозных планов преобразования природы, только нашей Советской стране свойственно сочетание широкого размаха строительства с первоклассной, самой передовой в мире техникой.

Щедрой рукой давал Родина волгодонцам всё необходимое для

высокопроизводительной работы. Со всех концов страны на строительство шли машины и оборудование. Советские учёные, инженеры, рабочие создали невиданные по мощности и удобству эксплуатации землесосные снаряды, экскаваторы, автоматические бетонные заводы и много-много другое. Каждый советский человек считал для себя честью помогать строителям Волго-Дона. По всей стране широко развернулось движение за досрочное выполнение заказов великой стройки коммунизма. Всенарядная работа о скорейшем пуске канала, огромная помощь техническими средствами дали возможность механизировать все строительные работы. Механизация является, по выражению товарища Сталина, «решающей силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства». И она стала такой силой. Достаточно сказать, что бетонные работы были механизированы полностью, а земляные — на 97 процентов.

Но самым главным, самым решающим фактором быстрого окончания сооружения Волго-Дона являлись замечательные советские люди. Строительный рабочий нашей страны! Это пламенный патриот Родины, сознательный, упорный в достижении поставленной цели, смело идущий навстречу трудностям и преодолевающий их. Это передовой, технически грамотный человек. Это багрякострой, машинист экскаватора, водитель автосамосвала, бульдозерист, крановщик, арматурщик, электрщик, оператор бетонного завода. Это командир могучей и сложной техники, прекрасно разбирающийся в ней, умеющий выжать из неё всё, что она может дать, и в свою очередь совершенствующий эту технику.

Налево управляет сложной машиной, которая заменяет сотни и тысячи рабочих, неслучайно прокладывает трассу в условиях необычных или круглый год производить работы, считающиеся ранее сезонными. Надо не только много знать, но и уметь применять знания в сложной обстановке, когда время не ждёт. В ходе строительства Волго-Донского канала выросла и закалилась огромная армия строителей-новаторов, подлинных героев труда, преклоняемых энтузиастов своего дела. Они движут вперед, совершенную технику, ищут и находят пути строить быстрее, лучше, дешевле.

Всей стране широко известны имена Виктора Хлаеста, Николая Хрущёва и их товарищей, работавших на комсомольско-молодёжном эскадрилье № 502. Дружный, сплоченный коллектив перенёс проектирующую мощьность самосвала почти в полтора раза. За шесть с половиной месяцев экипаж Хлаеста уложил в плотину Цимлянского гидроузла около двух миллионов кубометров грунта. Молодые новаторы научились отлаживать механизмы, добились безаварийной работы, основали вторые специальности. Стремление трудиться ещё лучше, чувственно неудовлетворённости сделавших работу рационализаторскую и изобретательскую мысль. Комсомольцы несли и своими силами осуществили немало поправок на конструкцию машин, добились повышения её мощности. Сейчас Виктор Хлаест и группа его помощников работают на строительстве Кубышевского гидроузла. Им доверили ещё более сложную и важную задачу. Землесосный снаряд «Сталинградский первый» заменит 30 тысяч рабочих. И хотя производительность этой машины намного больше достигнутой ими на земснаряде № 502, с новой силой, с упорством, помножен-

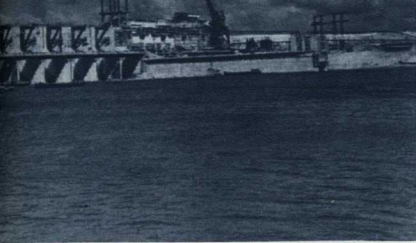

Фото Дм. Валтерманца и А. Гостева

ными на знания и опыт, ищут они путей увеличения мощностей, рационализируют и изобретают. На распределение конструкторов земснарядов ими уже внесено около ста предложений.

Так трудится не один лишь коллектив земснаряда «Сталинградский первый». У Виктора Хамста бесчисленное множество товарищей, так же, как и он, упорно и настойчиво добивающихся всё лучших результатов в труде, окрылённых пафосом творческого создания. Социалистическое соревнование, дружеская помощь, поддержка и распространение всего нового, прогрессивного стали неизменным законом жизни советских людей.

Комсомольца верные, надёжные помощники большевистской партии — на деле доказали, что оправдывает высокое звание членов Ленинско-Сталинского комсомола. Самые трудные и ответственные задания комсомольцы всегда выполняли с честью, в любое дело вносили инициативу, зазор, личным примером увлекали за собой молодёжь, воспитывали её в духе коммунистического отношения к труду.

Кто не знает знатных экскаваторщиков Ивана Семиверстова и Ивана Худикова, каждый из которых вынул более миллиона кубометров грунта! Вместе с гидромеханизаторами экскаваторщики перенесли горы, создали моря, прорыли в горах туннели, по которым подвигаются пароходы почти на стометровую высоту. Их верные помощники — шоферы Василий Фролов, Николай Селезнев, Иван Аутаченко, Василий Пелиншино и ещё тысячи таких же, как они, молодых энтузиастов. Волгодонцы брали пример с лучших людей, таких, как Георгий Смиржулин — оператор большого бетонного завода, — как друзья-скреперисты Виктор Мохов и Виктор Штгамен, с таких, как молодые инженеры Николай Кочкин, Олег Сучков, Владимир Шеряков.

Счастливы и радостен труд советской молодёжи. Родина, партия, любимые товарищи Сталин дали молодому поколению образование и культуру, доверили лучшее в мире технику, открыли всеобъемлющие горизонты для осуществления любой, самой смелой мечты, любого, самого смелого дерзания. В нашей стране каждый может найти себе дело по душе, проявить себя, во всю ширь развернуть свои способности. Новыми подвижцами в труде и учении отвечают юноши и девушки на отеческую заботу, все свои силы и знания отдают делу строительства коммунизма.

Волго-Донской судоходный канал соорудят! Через шлюзы, водохранилища, через новое море идут караваны судов с грузами для промышленности, с товарами для населения. Электрический ток Цимлянской ГЭС приводит в движение шатунные механизмы, электромоторы, сверлят металлы, освещает лесаки, клубы, кинотеатры. Стокующаяся по малым стоянкам земля в изобилии получает воду. Уже зримо ощущаются результаты труда строителей первой стройки коммунизма. И в этом наше торжество. Это наш праздник.

Для многих молодых строителей участие в сооружении Волго-Дона было первым трудовым испытанием в жизни, первой ступенью трудовой школы. Вперед у них новые, ещё более грандиозные, ещё более величественные дела на Волге, Днепре, Аму-Дарье. И всюду, куда бы ни послала Родина молодых преобразователей природы, они с честью выполняют возложенные на них задачи, со всей страстью молодые сердца будут бороться за великое дело Ленина — Сталина — за коммунизм!

Евг. ЕВТУШЕНКО

СТРОИТЕЛИ ВОЛГО-ДОНА

И не был на трассе,
не управлен земснарядом,
На экскаваторе
и не стоял
с Иваном Ермоленко рядом.
Но сегодня,
когда взлетает ладони,
когда у всей страны торжество,
я говорю
от имени тех,
кто не был на Волго-Доне

и всё-таки
(я утверждаю!)
строил его!

Геолог,
искавший руду в Зауралье,
шагавший тайгой,
быть может, не знаа,
что эта руда,
ставшая сталью,
скрепером.
будет

строить
канал!
Московские верхолазы,
высотных домов строители,
перекрывая сроки,
строи

за домом дом,
не были на Волго-Доне,
трассу его не видели,
но сила их примера
строила Волго-Дон!

Я ходил недавно
с друзьями
в Дом-музей Маяковского.

Маяковский!
Здесь жил,
здесь работал он!

Под стеклом,
на столе его,
рядом с набросками,
чуть надорвана

пачка папирос «Волго-Дон».
О чём с папиросой
он думал долго,
мечтал о чём

в папиросном дыме?
На пачке
сним —
Дон и Волга,

и красным —
линия между ними...

Я знаю
на трассе,
у берега волжского,
свою мечту

одевая в бетон,
в первых рядах
стройки Маяковского

У нас,
глядящих в завтрашний день
пристально,
зорко, смело,

нету «больших»
или «малых» дел,
— есть общее нитие дело!

И каждый,
кто Родины нашей вызван
в ряды грядущих времён,
каждый,
кто строит

в стране
коммунизм,
строит
Волго-Дон!

РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО...

А. ОДИНЦОВ

У МОРЯ Притороно пахнет полночью. Берег от неё весь седой. Солнце падает вовсю. Где-то трещат кузнечики, плещется волна. Она набегает и с шумом откатывается. Морская волна! А море, как и всякое море, без конца и без края.

Справа у берега видны вышки даёких шлюзов, ужкая жёлтая полоска песчаной платины и серые бетонные бычки, отсюда кажущиеся маленькими. А дальше, за платиной, в стороне столпидых стайкой, опустив свои стальные носы, знаменитые порталные краны, честно сослужившие свою службу на эстакаде, краны, уможившие первые лампы основания, краны, которые вместо со своими хозяевами, молодыми машинистами, дожидаются новой работы в Сталинграде, в Кубылькове.

Всё Цимлянское море в мелкой ряби, а над тем местом, где до прошлого года проходило русло Дона, зеркальная гладь. Старый Дон отражает своё русло на поверхности моря. Гладкая ужкая линия и над тем местом, где когда-то проходила дорога. Орёл-степняк, раскинув свои огромные крылья, парит над берегом, в который ударяет с моря норд-вест. На сигнальной мачте чёрный конус вершины вверх — сигнал: «Ожидается шторм от NW». А в небе — кучевые тучи облака. Не видно никаких предвестников шторма.

«В пятое мая, в один из таких же «тихих» дней, на море разыгрался первый шторм. Многие заметили в небе свинцово-серую тучку. По степной прибрежке ждали только ветра. Туча подошла к самой платине, и сразу далаго холодом. Море стало тёмным, шершавым, в белых гребнях, волны перекатывались через платину».

К подпорной стенке была причащена восьмьюстоппонная баржа. Волны начали раскачивать её, бить о стенку. У причала столпидых люди. Покричали на баржу — никто не отыпвался. Видно, никого не было. А волны всё старались оторвать от берега судно. Рывки с талок: вверх — вниз, вверх — вниз!

Но вот из толпы кто-то вышел из край стенки. Но ли он сразу прыгнул, то ли волны помогали и кинула баржу ему навстречу, но парон, в это был молодой парень, оказался на корме судна. Никто не видел, как это ему удалось, но то, что удалось, воздушевило других. Ещё трое очутились на барже.

А через десяток минут на палубе появился тот первый парен и, приложив ладони ко рту рупором, прокричал:

— Насосы!.. Тащи два насоса. Пробойны!

И снова исчез в трюме. Видно, пробовали сами заделать пробойны.

Всю ночь в темноте боролись люди со штормом. А к рассвету начал стихать ветер и стали успокаиваться волны. Вновь на небе появились солнце и такие же, как сейчас, тихие кучевые облака.

Весна нынче солнечная и влажная, лучше и не придумаешь. Деньк — дожди, два дня — солнце. Невкопимы вагит не только озимые, но и яровые, которые нынче были посеяны с опаской в сухую погоду. Зелёную весну в хуторах и станицах объясняют присутствием моря. И как им убеждают агрономы, гидрологи, что не может море сразу изменить здесь климат, казаки-станицники управо кругат седыми, коротко стриженными головами в знак полного своего несогласия.

Но зелёная весна и выпрям идёт на первые 100 тысяч гектаров казкозных земель Ростовской области. По каналам, на поля течёт море.

Цимлянское море! Длина его — 350 километров, ширина доходит до 38 километров, глубина — десятки метров. Оно вмещает 22 миллиарда кубометров воды.

Не только цифры раскрывают истинный смысл и значение Цимлянского моря. Было давно подсчитано, что годовой сток Дона, реки степных просторов, составляет в створе, то есть в том месте, где сейчас построена платина, примерно 23 миллиарда кубометров. Но сейчас неравномерно расходува Тихий Дон эти свои богатства! Он был бурен весной, заливая на сотни километров луга, оставляя посыл себя озёра, болота. Словом, за два-три весенних месяца Дон сбрасывал в Азовское море три четверти всего годового стока. А летом и осенью Дон мела. Цимлянское море исправило природу реки. Оно вместило в себя избыточные весенние воды. Из моря они будут расходоваться равномерно на протяжении всего года, они будут вращать лопасти турбин, сохранять нужные глубины для судоходства, дадут влагу полям и пастбищам.

Цимлянское море! Благодаря соединению Волги с Доном даже трудно себе представить, с какими реками, с какими городами

соединяется Цимлянское море. Посмотрите на карту: Печора, Северная Двина, Вычегда, Сухода, Свирь, Ловить, Западная Двина, Днепр, Днестр, Прут, Кижский Бурт, Урал, Кама. Ой-ой! — эти реки и их притоки, десятки озёр, пять морей, десятки тысяч сёл, сотни городов оказываются связанными между собой водными путями. Сотни портов становятся портами пяти морей. Кто же подсчитает, в какую судоходную линию вытнуты эти водные дороги?

Пузырь море, наплещется...

ГИДРОУЗЕЛ «До окончания строительства осталось... дней».

Каждый день на плакате менялись цифры, и чем они становились меньше, тем быстрее была земля. Вчера на плакате стояла единица. Сейчас все цифры были исчерпаны.

Ещё недавно трудно было поверить, что это случится сегодня. Ещё не начинали монтажа трансформаторов. Огромные, высотой в трёхэтажный дом, они стояли накрытые асбестом толи. На том месте, где должна была быть подстанция, асфальт на зёрнах стальных опоры и порталы, тут и там выжиливали искры электросварки. А вокруг этой массы изрытой земли два совсем юных паренька в голубых майках деловито забивали в землю белые колышки.

На платину ещё подавали бетон для укладки шоссе. Край полосу к проему в окне здания гидроузла полузручную чугунную решётку. Везде была масса мусора: досок, блях, битых кирпичей. Вся громадная площадка состояла из глубоких воронок, лощенок, котловин.

Вечером того же дня пошёл дождь. Он шёл почти всю ночь. Это было благодатный дождь для колахоных полей, но губительный для строителей. Дороги размыли, машин буксовали. Тракторы, расставленные на узких местах трассы, не успевали протаскивать на буксире один автомобиль за другим. Это была уже не работа. Был сорван не только часовой, но и полусуточный график. На следующий день, на следующие часы и секунды наванилась тяжёлая бремя вчерашнего долга.

К полудню следующего дня все трансформаторы стояли на новом месте — у здания гидростанции. Чтобы передвинуть их, пришлось поднимать их на специальные тележки, прокладывая рельсы и тунуть лебёдками. Рельсы и козлы, украшающие здание ГЭС, были установлены. Вся площадка для подстанции была обнесена высокой чугунной решёткой, которая прошла на месте белых колышков, что забивали в землю два паренька. Над площадкой подстанции возвышались опоры и порталы, уже обвитые проволокой и обвешенные изоляторами. Поразительно было и то, что места, где ещё вчера виднелись рытвины и лощины, ныне были ровны покрыты слоем чернозёма, удобренных и полны.

Над водосбором высжиливались кипарисы и белые акции. В уже распланированный скверик машины привозили в небольших коробках герань, горечки, душистый горошек, табак, цинерия и сальвия. Цветы сразу изменили облик строительной площадки. Удивительно всего, что люди сразу воспринимали все эти перемены, привыкли к ним. Казалось, всегда здесь было близлежащее на солнце Цимлянское море, и платина, и гидростанция; казалось, что забыты и проран, и первый пуск воды, и предвесенние ночи брызги с паровком, и первый шторм на море... Но разве забудеть это?

Говорит строители о трёх эпохах: строительной, монтажной и эксплуатационной. Пожалуй, была ещё одна эпоха — проектно-вводная, когда пришли в степь, сюда, к горе Кумшак, что над Доном, первые инженеры. Им нужно было совершить беспримерный по смелости подвиг. Был ли это риск? Построить впервые в мире на матом грунте, на песке (вспомните поговорку: «Построено на песке») платину, запривозить огромное водохранилище, платину, тоже созданную из песка, ибо, за исключением пятисотметровой бетонной водосливной части, всё остальное сооружение — 12,8 километра — состоит из песка! Был ли это риск?

В машинном зале Цимлянской гидростанции.

Фото С. Васина

Конечно, нет. Никакого риска, только смелый, далеко вперёд глядящий расчёт и размах.

Нигде в мире нет подобной платины, это сооружение — гордость советской гидротехники.

В постановлении Совета Министров СССР в декабре 1960 года говорилось: «Сократить на 2 года установленный ранее срок создания Волго-Донского водного пути... Волго-Донской судоходный канал и Цимлянский гидроузел с гидроэлектростанцией ввести в эксплуатацию с весны 1962 года».

В декабре 1960 года на том месте, где сейчас платина, расстилалась широкая степь и донская поляна...

...Узорная решётка, тонкая, как паутина, кажется, колыхается в воздухе от ветра. На самой высокой точке платины, на грёбе, проложены рельсы железной дороги.

Положить отсюда — какая ширина, какие просторы! Рядом — море, а с другой стороны, ниже, — Дон, вокруг — площадки, когда-то строительные, теперь усеянные цветами, как ковер; видны оба шалаза: один — «Ворота моря» — шалаз № 14, он пропускает из Цимлянского моря пароходы вниз; другой — «Донские ворота» — шалаз № 15, последний в системе Волго-Дона. Первый шалаз — у стн Сталинграда, в Красноармейске, а последний — здесь, у Нижнего Дона. На белых высоких банках — кавалеристы-казаки на вздыбленных конях. Отсюда хорошо видны эти скалы-стурпы.

Дальше, среди зелёного луга, возвышается ещё одно строение — головное сооружение Донского магистрального оросительного канала. А ещё дальше чуть виден порт и новый посёлок, ещё строящийся. В нём будут жить транспортники: портовики, речники и железнодорожники. А справа — другой посёлок, для эксплуатационников, работающих на ГЭС, на платине. Он готов. И паре новый готов.

Всё правда, всё свершилось! Звонкому мелодию доносит до нас радио. Это голос Робсона. Как это кстати! И песни!

Широко страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...

Наверно, и на пароходе, что проплывает совсем близко, и на лодке по ту сторону платины, на Дону, и в Кумшаке тоже слышат эту песню. Робсон поёт.

И другой тавой страны не знаю,
Где так волно дымит червона...

Поднятие целины на берегу Цимлянского моря.

Вода пришла

ВОДА

— Ну как, Али, у вас точно так же пускают воду? — спрашивала молодой казак у азербайджанца, хлопая его по плечу и делая широкий размах рукой, будто показывая всю степь. — Это ещё что, Али, вот когда вода пойдёт... Сам увидишь...

— Конечно, Толи. Вода — всегда радость. И у нас ликование, тоже джигиты скачут... У-в-в-а-а! Даже дух захватывает! — отвечала Али. — Один джигит на коно стоит, другой...

Раисово Анатолю Луко, заведующего сельским клубом и секретаря комсомольской организации колхоза «12-я годовщина Октября», с Али Тагиевым, комсомольцем-полывальщиком артели имени Низами, Таусского района Азербайджана, продолжался. Два приятеля, перебивая и почти не слушая друг друга, забывались, рассказывая каждый о своём. Али у себя в колхозе руководит звеном полывальщиков. Колхоз имени Низами командировал его в степной колхоз «12-я годовщина Октября». Али здесь прекрасно встретили, отвели комнату, устроили в его честь небольшое торжество, предоставили для разъездов двуколку.

У нас в Азербайджане тоже замечательно гостеприимны люди! — растрогалась, говорила Али.

Ещё не было воды, а Тагиев уже начал учить полывальщиков. — Да что ты, Али, — говорили девушки, — ведь мы курсы специальные прошли, мы всё знаем!

Мы на полях проверим, — отвечала Али.

И действительно, когда казачки-полывальщицы пришли в поле, оказалось, что многому ещё их может научить Али.

— Где быть полывальщику? — спрашивала Али, стоя на вывальных бороздах. — Воду надо вести за собой, а не идти за ней. Вот так иди, поправляй...

Боды-то нет, Али, чего поправлять? — шутили молодые казачки.

— Будет вода! И пришла вода. Она пришла из Цимлянского моря по Донскому магистрально-

му каналу, затем круто повернула вправо, в степь, по Нижне-Донскому каналу; она прошла более ста километров по степи и остановилась у земляной дамбы, а дальше и дальше влек краской. Торжественный путь последних километров Нижне-Донского канала... Отсюда вода пойдёт по хозяйственным каналам, на временную оросительную сеть, созданную на полях, разойдётся вывдными бороздами, поливными полосами.

По обе стороны ещё сухого канала, облицованного кое-где камнем, будто пасадая цветы, тут косячки и палатки всех красок и оттенков. На дорожках чинно сидят стайчиные люди; они пришли сюда чуть не с рассветом. Молчат. Курят. Стоят подлая казачки в синих, заправленных в сапоги ботках с красными широкими лампасами, в гимназёрках с орденами и медалями, в фуражках с красными околышами. Такая же фуражка на голове у Али.

— Будешь у нас казачком, Али. Идёт? — Конечно, — подтверждает за друга Анатолий. Это, видно, он отдал Али свою фуражку. У комсорга на голове широкополая, белой шерсти, с бахромой, шляпа Али.

По всей степи, по всем полевым дорогам мчатся машины. Они украшены портретами Ленина и Сталина, знаменами, флажками. На протекторе десетки три мотоцикла, вдоль канала отдельно стоят колхозные летковые машины — «Победы», «Москвичи».

По степи на горячих коных носятся колхозные наездники. В сбруе ленты, в гривне банты, как огонь, развеваются на ветру. Оркестры, радио, баяны, шум песни, говор — всё слышится и будто вёсной стоит над степью. И вдруг где-то армянлазирским залом ударяет взрыв. Чёрный дым застилает степь. Это поворачивал перемычку, и сразу из-за поворота в сухой земле что-то свергнуло на солнце.

Вода! Идёт медленно, языками неторопливо обходит мелкие сухие комья, захватывает щелку, поднимает и несёт, будто убирает, сухую ступеньку траву «спереди» поля...

Вода! Колхозу «12-я годовщина Октября» она принесёт дополнительно более 3 миллионов дохода. Было 900 тысяч, к новому году ждуть 4 миллиона. И правда, если сравнить урожай прошлого-годние с ожидаемыми, то результаты получаются удивительными. А ожидаемые урожаи — при воде — верный расчёт, ибо тут природа не в силах что-либо изменить. Тут уж человек на полях — человек. В прошлом году ровной шеницы собирали с гектара по 48 пудов — нынче будет 200; озимая пшеница дала по 120 пудов — будет по 240; рису — по 300, хлопка — по 150 пудов, овощей — по две с половиной тысячи пудов, картофеля — по 2 тысячи пудов. Вот почему в Семикаракоржском районе строится новый консервный завод. Заводятся новые рыбные хозяйства, планируется организация МТС с электронахотой и электромобильной уборкой. За один год будут собирать колхозы столько, сколько собирали прежде за три-четыре года.

...Идёт вода на бескрайние колхозные поля...

Течёт, оказывается, не медленно, а быстро. Уже слышен её голос, журчит. Уж кто-то не выдержал и, в чём есть, бросился в воду. И уже не один он. Несколько человек цапнутся. А вода, только что дохидившая им до пояса, вот уже по груди, выше, выше, вот уж талывает казачки. А девушки потуже завязывают свои платочки повязало от воды ветерком. И будто всегда здесь была вода. Открыли деды хозяйственные каналы — пошло Цимлянское море в колхозы.

— Далеко в степи чуть видны две точки: это на рисках скачут Али с Анатолием, ведут воду на поля.

Рисунок Е. Водеринова

ПЕРВЫЙ ТЕСТ

Поздней разлука долгая. Пьют за тех сейчас они.

Кто для встреч Дона с Волгою Потрудились в наши дни.

Ю. Гордиенко

Лариса ФЕДОРОВА

В НАДЕЖНЫЕ РУКИ

Фото Я. Халина, Дм. Балтерманца
и А. Гостева.

Старший инженер диспетчерской группы Управления Волго-Донского судоходного канала
Игорь Матюшичев.

По степному пыльному Калачу, по широкой его магистрали, застроенной новыми невысокими домами, ходят молодые люди в форменных фуражках и кителях.

— Речники прибылы! — многозначительно сообщают друг другу калачёвские девушки и чаще обычного ходят к Дону, к высоким и курчавым его берегам, которые привлекают всех любителей рыбачить.

Хорошо за Доном под вечер! Переправившись через реку на рыбацкой лодке, можно забраться на крутой склон, с которого виден весь городок, канал и ближе к Калачу Карповское водохранилище. Хорошо после аридного дня дышать здесь свежестью реки, выходящей в двадцатью, которые всегда пахнут холодом... Хорошо! Да только перед пуском канала речники некогда ходить на эти заманчивые берега. Как рачительные хозяева, инженеры — гидротехники, гидрологи и сваяльщики — принимают от строителей большое и сложное хозяйство. Может, ещё потому эксплуатационники подчёркнуто строгие, что совсем недавно получили они в свои руки дилеммы инженеров и первую путёвку в трудовую жизнь. И так как труд их начинался на перепутье сталинских новостроек, требовалось вступить на трудовую стезю чётко, уверенно, как говорится, в полной форме.

Но как ни строгие прибывающие, строители Волго-Дона остаются спокойными. То, что сделано ими эксплуатационникам, сделано на совесть: красиво, добротно.

Две эти особенности были отмечены молодыми инженерами прежде всего. И хотя на Волго-Дон съезжались выпускники многих институтов страны, мнение о качестве тех или иных объектов оставалось у всех неизменным: такие сооружения служат человечеству веками. Работа на эксплуатации Волго-Дона обещала быть интересной, увлекательной, особенно для начинающих инженеров. А «сплавниковая» в Управлении Волго-Донского судоходного пути — подававшее большинство. Особенно большая группа молодых специалистов прибыла на Волго-Дон из Ленинградского института инженеров речного транспорта.

По правде сказать, когда ехали в Сталинград, многие из них сомневались, найдётся ли всем нужная работа по специальности. Однако сомнения эти жили недолго. Как только пассажирский автобус «Сталинград — Калач» вышел на трассу канала, стала разбуртываться вся палорава грандиозного гидросооружения. Все, кто ехал в автобусе, могли видеть в окно знаменитую «Чапуриновскую лестницу»,

состоящую из девяти постепенно возвышающихся шлюзов, мощные насосные станции, пристани и причалы. От Красноварьейска, который находится в восьмидесяти километрах южнее Сталинграда и где Волга входит в русло канала, до самого Калача на Дону стоят в стене тринадцать шлюзов, тринадцать пропущенных ворот, поднимающихся к Водоразделу и опускающихся с него, как гигантские водные ступени. Для того, чтобы пропустить через эти шлюзы суда, соблсти очередность их следования и правильное наполнение камер, нужны аналитичные шлюзов, начальники шлюзовых вхат, диспетчеры, механики, электрики и инженеры-гидротехники. Водораздел — это возвышение между Волгой и Доном. На склоне, тяготеющем к Волге, расположены девять шлюзов — девять ступеней; на доновском склоне стоит четыре шлюза.

Молодые инженеры-речники знали, что Водораздел — это самый трудный участок пути на трассе Волго-Донского канала. Только мощные насосные станции могут заставить доносную воду подняться на высоту сорока четырёх метров. И не только подняться, но пронести её с собою многоэтажными грузовыми и пассажирскими пароходами, богатые караваны с углём и хлебом. На трассе Волго-Дона пройдут четыре транспортных линии: Москва — Ростов, Сталинград — Ростов, Сталинград — Калач, Сталинград — Варваровское водохранилище.

Достигнув Водораздела, суда должны спуститься с этой высоты до уровня Волги, то есть на восьмидесяти восемь метров. И пить здесь на помощь приходят шлюзы — эти водные ступени с массивными пропускными воротами. Да, для управления этой сложной, автоматизированной водной системой, рождённой в волго-донских степях, требовались инженеры, много инженеров!

В Управлении Волго-Донского судоходного пути молодых ленинградцев встретили очень приветливо. Институт этот дал стране немало замечательных кадров. Теперь они послал на Волго-Дон новый отряд, хорошо подготовленных специалистов. В числе прибывших было шесть судомашинов и сорок пять инженеров-гидротехников. И если первые в ожидании судов ещё имели время оглядеться и, может, даже побывать на высоких доновских берегах, где совершая свои прогулки калачёвские девчата, то инженеры-гидротехники сразу окунулись в кипучую предпусковую деятельность. Шаля прибёжка шлюзов, насосных станций, пристаней, водохранилищ и просто отдельных

участков канала. При Управлении организован даже специальный отдел — Отдел исследований, куда входит несколько групп. Это очень важный и ответственный отдел. И всё же руководство Управления, ознакомившись с личными делами прибывших молодых специалистов, не побоялось вызначить в этот отряд ряд выпускников Ленинградского института. Так, Алексей Ильин получил должность старшего инженера группы фильтрации, Игорь Матюшичев назначили старшим инженером диспетчерской группы, Тамаре Маньковой поручили ответственную работу в гидрологической группе.

Но работать в Управлении, особенно в Отделе исследований, вовсе не значит сидеть за канцелярским столом и заниматься скучными бумагами. Те, кто работает в гидрологической группе или в группе деформации, всё время находятся на трассе канала. Особенно часто ходят на Карповское и Варваровское водохранилища смуглую изящную девушку, одетую в форму командира речного транс-

Старший инженер-гидрологин
Тамара Манькова.

Вдоль канала проложено шоссе.

порта. Это старший инженер-гидротехник Тамара Манькова. Она следит за водным режимом наполняющихся водохранилищ и самого канала. Вода ещё недостаточно улеглась в своём новом ложе, недостаточно оседелась с грунтом. Звонит, возможна фильтрация, то есть «перерыв», излишний расход воды. Будет расход воды и на испарение. А когда откроется движение судов, наблюдение за режимом воды (в связи с заполнением шлюзовых камер) станет самым осуществленным моментом.

Часто можно видеть на трассе канала и пысового, неторопливого, как многие северяне, Алексея Ильина. Он осматривает устройства для наблюдения пьезометром — установкой для измерения горизонтов фильтрации воды из водохранилищ через дамбы и плотины.

Здесь, на берегу стених озёр, происходит интересное знакомство. Совсем недавно, например, появилась на берегу Карповского водохранилища статная, с выразительными серыми глазами девушка. Это инженер-геолог Тамара Амелина. Она окончила Московский геологический институт имени Ордена Ленина и теперь исследует поведение грунтов, на которых возведены основные гидросооружения Волго-Дона. У Тамары весёлый, общительный характер. Она любит и хорошо работает и хорошо отдыхать.

— Надо, девушка, разработать пиле-вибуль моторку, — говорит она своим подругам по комате. — И вообще надо как-нибудь организовать. Также лето идёт! Столько воды кругом!

Надо полагать, что таких инициативных характеров среди молодых эксплуатационников немало. Потому что неспроста известный среди ленинградского студенчества физкультурник Игорь Матюшечев вот уже целую неделю напущивает Тамаре Маньковой, что пора хлопотать о спортивных яхтах.

— Ты секретарь комитета, — значит, должна и об отдыхе нашим побеспокоиться. Неужели не ясно, что самый лучший вид спорта — это яхта?

— По-моему, ты лыжник, — отшучивается Тамара. — Даже разряд имеешь. Стоит ли менять квалификацию?

— Поеду к министру, — решает Игорь. — Верю его здесь видел. Вот приду и скажу: «Товарищ министр речного флота, на Волго-Доне полно молодёжи — дайте нам яхты...»

— Ты ещё чаек запросишь!

— Чаек вполне достаточно. И как только они уехали, то здесь море?

Иногда Тамаре кажется, что учёба ещё не кончилась, что просто весь их курс вышел на преддипломную практику. Но вот кто-то из позеленевших инженеров Управления окликает Игоре: «Идитете посетуетесь насчёт графики движения», — и девушка сразу вспоминает, что ей тоже нужно решить один важный эксплуатационный вопрос. Да только ли эксплуатационный? Обязанности секретаря комитета ВЛКСМ заставляют её подумать и о предложении Игоря Матюшечева и о том, что комсомольцы эксплуатационного управления должны отпустить не менее полемичным делам на вызов молодых эксплуатационников Чапурниковского района, которые решили помочь строителям Волго-Дона в озеленении посёлка и набережных канала. Кроме того они собственными силами разбили в Чапурниках плодородный сад на площади в один гектар. Почему бы не сделать это и в Калаче? Этот степной город тоже должен быть зелёным, как и подобает быть городу-порту в преобразованной степи.

Выпускники Ленинградского института инженеров речного транспорта успели сдружиться с молодыми инженерами, прибывшими сюда по окончании других институтов. Но всё же их группа самая большая, самая спаянная в сплоченном коллективе эксплуатационников.

В диспетчерской, где тесно от приборов связи, сидит старший инженер речного транспорта Игорь Матюшечев.

В этом полутьмном, сосредоточенном молодом человеке едва ли узнаешь того зазорного, пожалуй, чточку сердитого любителя яхт, который только что спорил с Тамарой Маньковой; разве только нышная кожа тёмных волос, низко склонившаяся сейчас над графиком движения судов, выдает энергичный темперамент молодого инженера. Небольшие зоркие глаза юноши внимательно изучают судоводную карту Волго-Донского пути. Это новый путь, общим протяжением в 540 километров, пролеет от Сталинграда до Ростова. Из Донбасса на Волгу пойдут суда, груженные углем, рудой; Кубань и Ставрополье пошлют караваны с золотой пшеницей. Не останется в долгу и Волга. Она одарит Донбасс лесом, нефтью, снабдит Приволье и Нижний Дон машинами и тракторами уральских и приволжских заводов. Первый же год эксплуатации Волго-Донского судоводного пути позволит увеличить грузооборот Донского речного бассейна в пять — шесть раз по сравнению с 1951 годом.

Игорь Матюшечев ещё и ещё раз изучает графики и инструкции по движению судов. Здесь, на канале Волго-Дон, не должно быть никакой заминки. Пропускная способность шлюзовых камер планируется с точностью до одной минуты. Звонюк Игорь снимает трубку и тут же начинает приветливо улыбаться:

— Здравствуй, здравствуй, начальник шлюза! Ну как с работой? Достаточно? Смотри, пойдут большие «воза».

Ленинградцы комсомолем Куликов назначили начальником шлюза № 10. Впрочем, из тринадцати шлюзов только на одном начальником работает «пожилой» — традиционный — человек.

Темнеет... Сивеятой вечерней дымкой заволокло высокие придонские горы. Над степью в тёплой синеве замерзали южные крупные звёзды. Углицы чайки над Карповским водохранилищем. По сонной глади озера где-то навстречу красным оготкам бакевой плывёт буксирный барж, за ним на тросах тянется караван барж. А над волной звенит молодая песня.

Рисунки Е. Ведерникова

Стихи Ю. Гордиенко

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ПОСЕЙДОН НА СЛУЖБЕ

Посейда, водами богатое Море наше заселить.

Если море пресноевато, Можем море посеять.

Строителям Волго-Дона.

Бог морской во весь опор уне Мчит, аж вытёс седина.

Рад служить нам в званьи сторона Строения морского дна.

На отдыхе. Молодые строители Донского района идут по аллее, посаженной их руками.
В центре — знатный сиреперист страны Виктор Мохов.

Фото Я. Халипа

РОСТ

М. ГУСИНСКИЙ,
начальник Варваровского гидроузла

Мне приходилось работать со многими молодыми специалистами. Но представлять себе парня, которому из виду лет семнадцать — семнадцать. Полное, румяное лицо, в больших серых глазах озорной мальчишеский задор. И вот такой паренёк входит в контору, робко спрашивает, не я ли начальник участка, и, получив утвердительный ответ, подаёт написание и диплом.

— Техник! — не в силах скрыть удивления, воскликнул я. «Вот и поработай», — думаю. — Прислают на руководящие должности каких-то мальчишек! — Едва бы в эту минуту мне предложили передать нового техника на другой участок, а я бы с удовольствием сделал это, хотя с людьми было очень туго.

— Однако делать было нечего. Я сказал: — Давайте знакомиться, да и за дела. Ваша фамилия Козырев? Техникум окончили в Рязани?

— Да.
— Какое отделение?
— Гидротехническое.

— Очень хорошо. Гидротехников у нас очень мало. Будете работать десятником.

В это время мы должны были начать строительство причала у нижней головы шлюза № 10. И я решил это дело поручить Козыреву.

— Забавка свай и бетонные работы вам знакомы? — спрашиваю у него.

— Конечно, — ответил он.

И тут же, не переводя дыхания, он перекачал мне по меньшей мере страницу из учебника.

— Прервите! Отправляйтесь к начальнику сооружения Липитову. Он выделит вам людей. Копёр на месте. Завтра к вечеру его надо установить. Послезавтра начинайте бить сваи.

Я пообщал Козыреву навести его учителя, и он отправился знакомиться с делом. Но выполнить своё обещание мне не пришлось. На другом сооружении создался затор. Нужно было немедленно принимать меры. С утра я не уходил оттуда и только после обеда пришёл на строительство причала.

Ещё не доходя до места забивки свай, я почувствовал что-то неладное. Копёр был в том же положении, что и вчера. Рабочие, примостившись кто где мог, курили, загадочно пошевелились. Козырев растерянно ходил около механика. Его губы подергивались. Казалось, что он вот-вот заплачет. Как будто не замечая ничего, спрашиваю:

— Ну, как у вас дела?
— Неважно, — еле выдавил из себя Козырев.

— Почему? — удивляюсь я. — Ведь у вас всё на ходу, кажется.

— Где-то заело, — говорит Козырев. — Стали поднимать стрелу, она ни с места. Осмотрел — всё в порядке. Выключил рубильник — опять та же история. Наверное, двинулась ледянка с места, заело...

На самом же деле ничего не заело. Чтобы поднять стрелу, нужно проварить верхний её конец, поставив на козлы. Тогда создаётся необходимый угол, и ледянка легко поднимается стрелу. Козырев об этом не подумал и стал тянуть её прямо с земли. Получалось, что, в физике называется сложением двух параллельных сил, направленных в противоположные стороны. Под действием этих сил движению пойдёт в ту сторону, которая сильнее. А так как стрела упиралась сильнее, и пришлось ледянке подвинуться.

— Осмотрел я механизм и говорю: — Ничего здесь не заело. Кто вас учил так устанавливать кофёр?

— Нас этому вовсе не учили, — потупился, ответил Козырев.

— Сложнее сил из физики знаете? Козырев молча кивнул головой.

— Какое там ещё сложение! — презрительно отозвался молодой рабочий. — Поставь стрелу на козлы — вот и всё сложение. Мы бы это сделали, да уж больно оно, destino-то, ершится. Ничего и слушать не хотим.

— Это очень плохо, — сказала я Козыреву. — Запомните: у вас — знания, у них — опыт. Друг у друга учиться надо.

Говорил я всё это, конечно, не очень ласковым тоном и окончательно расстроил Козырева.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

В городе мужества

В городе мужества — в Сталинграде

Часто встречался в старых друзьях.

Искорка в каждом волнуем взгляде

Нове говорит о дальней грозе.

Но не было в новой заботой

Ничего глупа сталинградцев полны:

Строчи дома, воздвигая заводы,

Кто добывает из волжской соли.

Может бить, ас-таки этого мало,

Что сталлинградцем себя называть,

Если здесь юность моя возмужала,

Мужество юности стало оплот.

Но барельефы солдат на металле

Личит бетончиков юных срдин.

Лейкой мой сталинградской медали

Связаны эти и прошлые дни.

Красная жинка на светлосознем —

Как сквозь ливень прорастуший рассвет.

Вновь заседает Совет Обороны,

Вновь заседает Совет Оборон.

Нет! Это светлые окна обкома,

Это — дымящие горячих цехов,

Всё, что нам с самого детства знакомо,

Взято из жизни, а не из стихов.

Нельзя родился здесь подвиг народа:

Путь Пятигорья сегодня готов.

Слышен победный гул теплотуда,

Вашего курс из Москвы на Ростов.

...Здесь на плечах одного поколения

Пронесены не год, а века.

Славлю сегодняшние вдвоемные,

Молодость города-большинка.

— Ладно. Нечего расстраиваться, принимайтесь за дело. Начать забивку свай надо всё-таки в срок. После работы доложите мне, что сделано.

Вечером Козырев пришёл довольный. Копёр установили. Я предложил ему книгу, в которой были изложены способы производства работ, какие поручены ему. Разговорились, и ошибся, думая, что Козырев семнадцать лет, — ему на два года больше. Специальность строителя он выбрал по своему желанию. Учился хорошо. Когда получил диплом и ему предложили

ехать на строительство Волого-Донецкого канала, радости не было конца. Он знал: чтобы стать настоящим строителем, одной учёбы в техникуме недостаточно. Не менее упорная учёба предстоит на производстве. Но он никогда не думал, что это так трудно. Тем более, что учёба в техникуме давалась ему сравнительно легко.

Слушая Козырева, я вспомнил и свой первый день самостоятельной работы и в душе цедиком согласился с ним. Чего только не пережил он за этот первый день работы! Сначала он вспомнил посплошну, которая утверждает, что первый бал выводит комом. Но дело не ладилось и дальше, и Козырев решил, что он зря потерял годы, проведённые в техникуме десятка, никому не научился. Потом он решил, что из него никогда не получится такого руководителя: способностей не хватает. Наконец, он пришёл к выводу, что я нарочно даю ему самое сложное задание, чтобы потом с треском его вынудить. Я успокоил Козырева, посоветовав ему больше читать техническую литературу, почаще встречаться с товарищами, расспрашивать, как идут дела у них.

— Если что-нибудь неважно, — прощаясь, сказал я ему, — приходите ко мне.

Прошло несколько дней. Работа на строительстве причала двигалась своим чередом. И вдруг однажды вечером является ко мне Козырев, хмурый, злой.

— Михаил Захарович, — обращается он ко мне, глядя в сторону, — я затнул свай в брак. Придётся переделывать.

— Мы-да! Нерадостно. А когда же это техинспекция у тебя была? Что-то я не помню.

— Да её ещё и не было.

— А где же ты раньше времени шум поднимаешь?

— Какой смысл ждать? Всё равно брак...

— Ну-ка, давай посмотрим, что там за брак, — говорю я ему; всё это время я следил за его поведением.

Посмотрели. Несколько свай действительно отклонились от проекта, но в пределах допуска.

— Смотри, чтобы с другими этого не было, — говорю я ему.

И вот попал деню на вечер. Однажды Козырев заявил, что на dixей свай, на котором будет держаться бетон, не удаётся установить спиральную арматуру.

— Ты уже пробовал? — спрашиваю.

— Конечно.

— А ты ещё разок-другой попытайся. Может, что-либо получится. Определённо указания на этот счёт у нас нет...

Немного позже, проходя, вижу Козырев сидит рядом с тем поздравив рабочим, который проделал, поставив стрелу на козлы, и ожесточённо спорит с ним. Они обсуждали способы набивки спиральной арматуры на верхний свай свай.

Наконец этот способ был найден, и, надо сказать, он оказался довольно простым.

Запомнился случай, когда Козырев кончил забивку свай и нужно было оставить техническую документацию, чтобы сдать работу техинспекции. От него буквально всем не было проходу. Он приставал с расспросами к прорабам и особенно к молодому инженеру Ефимову, с которым они живут в одной комнате, как писать, как составлять. Зато документация была безукоризненной.

Ефимов оказывал большое влияние на молодого техника. Институт он кончил год назад. Но в противоположность Козыреву этот спокойный, уверенный в своих силах специалист. Делает он всё не торопясь, продуманно и почти всегда добивается успеха. Дружба с ним многое дала Козыреву.

Но вот свай забиты, и началось бетонирование первого блока. Механизмов у нас не хватало, и пришлось работать вручную.

— Михаила Захарович, — говорит Козырев, — до каких пор мы будем укладывать бетон дождевыми способами?

— Стад было доказывать Козыреву, что не хватает механизмов. Куда там! И слышать не хочет. Давая краны — и всё тут!

В доказательство того, что механизмы найти можно, он стал приводить примеры их неравнозначного использования. Тут уж деваться некуда. Пришлось перестраивать работу на других участках, выкраивать для Козырева краны.

Тяжкий этот для нас период паренёк. Много тяжёлых моментов пришлось пережить зимой и особенно весной с её бурным паводком. Немало их выпало на долю Владимира Козырева. Но это был уже не тот новичок, который пал духом при первой неудаче. Бывало и сейчас у него ошибки, но теперь они его не страшили, а заставляют ещё упорнее добиваться своего.

Как-то у Козырева вышел из строя копёр — забивка свай приостановилась.

Козырев побежал искать электрика. Через каких-нибудь полчаса вижу: идут оба. Козырев ругает электрика, электрик — Козырева.

— Ты видишь только свой копёр, а у меня их таких десятки! — горячится электрик. — С тебя не спросит, почему стоит другое механика!

— А чего им стоять?
— Ремонтировать нужно!
— Ну и отремонтируешь!

Осмотрев механизм, электрик презрительно сказал:

— Да тут и ремонтировать-то почти нечего. Не столько дела, сколько шума...

— А тебе что говорил, — отвечает Козырев. — Не на год же тебя сюда звал...

Через некоторое время тяжёлая «быва» равномерно бухала, с каждым ударом всё глубже вгоняя в землю большой деревянный брус.

В начале июня у Козырева пришлось забирать копёр: нужно было срочно закончить другую работу. Беря копёр, пришлось через три недели. До конца месяца оставалось шесть дней, а на причалах нижней головы шлово не было забыто ни одной свай из запланированного на месяц количества. Вызывая Козырева,

— Что будем делать? — спрашиваю у него.

— Свай бить, — невозмутимо отвечает Козырев.

— Это мне известно. Но нужно как можно больше их забить. Свай срывается.

— А я здесь при чём? Не нужно было забирать копёр, — снова спокойно возражает Козырев.

Но его протодушное лицо не может скрыть затаённый восторг. Видно, что он говорит не то, что думает, и говорит лишь для того, чтобы излить обиду. Ведь копёр у него пришлось брать со скандалом.

— Слушай, Владимир, не дури, сонная: что-нибудь придумаю?

— Ничего я не придумаю, времени нет на это.

— Хорошо. Сколько ты забьёшь свай?

— Все!

— Как это все?

— Да все, что запланированы на этот месячный план.

— Это, конечно, неплохо. Но получишь ли?

— Думаю, да...

Низкую серьёзности как не бывало. Козырев складывал над столом и стал рассказывать своей жене. В первый же день, когда у него забрали копёр, он задумался над тем, как выполнить задание по забивке свай. Он ходил по другим объектам и смотрел, как идёт дело там. И вот родилась мысль: за десять дней справиться с месячным планом, используя и свой и чужой опыт работы.

— Забыл, — решительно заявила Козырев.

И забыл! Я не могу сказать, когда он отсыпал в эти десять дней. В какое время ни приходишь, он на месте, внутренне собранный, немногословный, возмужавший. Я смотрю на него и думаю: вот как растут у нас люди!

Литературная запись
С. НЕЖИНСКОГО

Рассказы строителей Волго-Дона

Фото
Дм. Вальтерманца,
А. Гостева

У готового канала в Береславском районе.

Любовь ЗАНИНА,
прораб Береславского района

НА ОТКОСАХ КАНАЛА

Однажды вызвали меня в управление и говорят:

— Любовь Петровна, к вам студенты на практику приехали...

Я вас удерживала, чтобы не ушибиться. Давно ли сама была студенткой, сдавала зачёты, ездила на практику...

Летом 1950 года я на «отличию» защитила диплом инженера-гидротехника в Горьковском инженерно-строительном институте. Когда нас распределили на работу, предложили несколько мест. Помню, всё это были небольшие, ничем не знаменитые города; я почему-то выбрала Калач. Это было в августе, а постановление правительства о постройке Волго-Донского судоходного канала было опубликовано в декабре, так что я только в Калаче узнала, как мне повезло, и почему-то выбрала стройку я пошла.

В Береславку я пришла не одна, нас было три солдаты. В институте мы учились в одной группе, встретил нас главный инженер района Аркадий Иванович Кочегаров.

Честно сознавать, нельзя сказать, что его очень обрадовала наш приезд. Посмотрел он на нас из-под своих седых бровей и так грустно спрашивает:

— Что это у вас в институте одни девчата, что ли, обучаются?

Смутилась я, ничего не ответила.

Начальник меня прорабом на мочение отпустил.

Я мечтала строить что-нибудь сложное, высокое, массивное. И дипломная работа у меня была «Плотина на реке Волге». А тут, пожалуйста, — один камыш. Каждый камушек надо в руках подержать, обработать. А камушки-то не маленькие: поедете по каналу, посмотрите на наши камушки.

Начальник Береславского гидроузла Евгений Иванович Сальников сам знакомый мои с техническими условиями работ, рассказывал, какие требования предъявляются к мочению, говорил, как важно дать хорошую мостовую.

Сальников научил меня и отсыпать фильтр и укладывать камни; и так как

работе ко мне приходили не специальные мастера-мостовики, я тоже должна была всё показывать им; как взять камень в руки, как его обработать, как уложить на откос.

Рабочий у меня не пытался и не сто, а около польской. Да и работа у них такая, что требует подвозки огромного количества материалов: песка, каменной крошки, щебня, камня. Надо, чтобы автомашины подвозили всё это регулярно, вовремя и именно туда, куда нужно. Без хорошей организации труда дело плохо пойдёт.

Трудно было мне сначала.

Я, например, не знала, где и как целесообразнее применить свои силы. Мне казалось, что если я хоть что-то сделала не сама, то сделано это будет обязательно плохо. Я никому не доверяла, бежала по объекту, старалась всё видеть, за всем последить: совмещая функции рабочего, десятника, учителя, прораба. Бывало, вожу машину сама, провозю, сама встречу. А крайние точки объекта — за семь километров друг от друга. Вот я и металась с одного конца на другой.

А рабочие ко мне тогда как относились? Думаю, так же, как сейчас? Я ведь не знала, как к ним подойти, как правильно замечание сделать, как хорошую работу отметить. Терпела, руки опускались, сколько раз плакала...

Потом стали меня рабочие уважать. Сначала звали просто Люба, а ведь была мочеложка всех из них. Теперь зовут Любовь Петровна. Но, честное слово, так и не помню, когда я из Любы превратилась в Любовь Петровну.

Меня часто спрашивают, как я работаю, как добиваюсь высокой выработки, просят рассказать свой самый памятный день на строительстве. А что тут рассказывать? Дни у меня все одинаковые: один день посвящается больше, другой меньше. Ведь не всё гладко обходится, бывают и столкновения. Например, приходится «бежать» с автобазой, с диспетчером района. Чаще всего именно они меня подводят: надо мостить, а материалов нет... Бывал у

нас одна история. Е. И. Сальников называет её «история местного значения», но я о ней всё-таки расскажу.

У меня на участке рабочие — искалчиво женщины, а у прораба Шиганова — мостовики — мужчины. Мы соревновались с ними. Нас в то время проводили шоферы: участок Шиганова расположен дальше, чем наш, и шоферам выгоднее ездить к нему, потому что записываются только на выходные. Все же машины и катки моего участка, к Шиганову, ему материалы подвозят, а мне нет. У Шиганова мостят, а у нас работа стоит. Тогда я сама пошла на базу АТС и потребовала не только свои машины, но и шифровские. Материалов нам тогда назвали горы! Вот мы и мостили. А Шиганов с тех пор, чуть что, машины не идут, звонит на базу, кричит:

— Возмутительно! Опять Занина мои машины забрала?

Ещё помню случай, когда я поссорилась со своей подружкой Фалей Беловой. Мы с ней вместе в институте учились и сейчас в одной комнате живём. Фая работала прорабом на постройке аварийно-заградительных ворот и у неё там стояла бы и большая участок моточной. Однажды мы бригады грузили плиточный камень. Звонит Фая:

— Можно, я пошла одну свою машину, чтобы вынудить рабочих нам погрузить? Я решила, давай не повожу, а какие коварные замыслы у моей подружки. Оказывается, Фая послала не одну машину, а три. Её диспетчер сидел, сидевший в отъездах порода, и отправлял машины на объект Беловой. А шоферы туда едут с удовольствием: расстояние дальше — выработка выше. Я в то время, как нарочно, была занята: моя «прорабка» пережала, она ведь стоит на две канала, и как только мы кончим возить в одном месте, её трактором сразу же на другое место переставляют. Ну вот, пока я на носовые устраивалась, три машины Фай Беловой уже успели по рейсу сделать. Но тут мы обнаружили замаскированного диспетчера:

— Мотай Ты тут что делаешь?
— Когда я узнала, я вообще запретила допускать машины Беловой на погрузку. Поссорилась мы с ней по телефону. Я говорю:

— Безобразие. Евфалия Павловна Договорилась об одной машине, а забрала три. Больше грузить тебе не буду.

Фая очень просила:
— Мне осталось совсем немного достать откос.

Но я повесила трупку.
А вечером этого злополучного дня в магазине появились босоножки. Я была ещё на работе, Фая пошла и купила две пары себе и мне. Как видите, служебные отношения не мешают нам мирно жить дома.

Обе мы готовим обеды так: кто раньше приходит с работы, тот и готовит. Никакой очереди, в порядке «сознательности». Часто в нашем хозяйстве получаются смешные вещи. Перед Новым годом я подвинулась на газеты и журналы, а Фая об этом забыла сказать. А в первых числах января нам приносит две «Сталинградки», два «Молодых ленинца», две «Комсомольские правды», два «Огонька» и два «Технических строительства». Оказывается, Фая тоже подписалась именно на эти газеты и журналы. Посмеялась, Фая говорит:

— Ничего, это для «посетителей». Всё равно растает, как снег.

Правда, мы докупали очень много книг, а все, кто к нам приходит, уносит их «почитать». Так и путешествуют наши книги по всему посёлку: всем ведь прочитать интересно!

О Фаяе мне хочется рассказать отдельно. В институте мы учились в одной группе, вместе диплом защищали. В Береславке Фая с первого дня создала о себе как о работнице прекрасное впечатление. Её назначили прорабом на постройку аварийно-заградительных ворот, в первую смену. А в ночной смене работали плоховато. Фа-

я же сама не спала и другим не давала. Утром пришла к ней на объект начальной района, спрашивает:

— Сколько кубов бетона дали?
Фая отвечает:
— Сто восемьдесят.
— Сколько?
— Сто восемьдесят.

Фая испугалась, она думала, что это очень мало.

А до этого в ночной смене давали по 60, по 80 кубометров бетона. Начальник сердится:

— Не верю.
Сам полез замерять бетон. Замерила, говорит:

— Всех прорабов разгною, а её оставлю.
Строительство аварийно-заградительных ворот было закончено досрочно, к 31-го допущение Великого Октября. Было это радостным событием в жизни нашего стройрайона. Прямо у ворот устроили митинг. Весь посёлок собрался. А день пасмурный был. Под конец митинга дождь пошёл, а люди стояли, и расходиться не хотели.

Сейчас Фая работает на постройке паромной переправы. Она много времени отдаёт комсомольской работе: она ведь член комитета комсомола районной комсомольской организации. И спортсменка замечательная. Поселковские мальчишки её «мастером спорта» прозвали.

Так и работаем: Фая бетонные сооружения строит, а я моту.

За всё время моей работы на канале моя бригада замостила участок больше десяти километров длиной.

Недавно ко мне приезжала мама, говорит:

— Покажи мне, дочка, что ты строишь!
— Водела я её к себе на участок и к Фаяе, на заградительные ворота. Мама очень удивилась, что нам такую серьёзную работу доверили и что столько людей нас саушнется. Уехала мама очень гордая за меня и за Фаяе. И вот я получаю от неё

письмо. Пишет, что в «Правде» была моя фотография и что она её вырезала, и хранит, и гордится мной. Ну, я за неё очень рада, что ей приятно. А сама я, к сожалению, не видела этой фотографии.

С тех пор как в газетах стали появляться заметки о нашей работе, мы обе стали получать много писем, со всех концов страны. Некоторые письма приходят с очень интересными адресами: «Волго-Дон, Любе Заниной». Пишут люди из Кипчинь-ва, Воронежа, Севастополя, Закарпатья, Туркмении, с Дальнего Востока.

Одни товарищи пишут:
«Наше жевание узнать о лучших людях строев коммунизма есть жевание людей, живущих единой с вами мыслью: как можно быстрее построить канала. Интересно знать, как трудятся комсомольцы Волго-Дона. Ещё я посылаю Вам фото, чтобы вы знали, кто придет к вам на стройку работать. И не на память, а для дела, как писала выше».

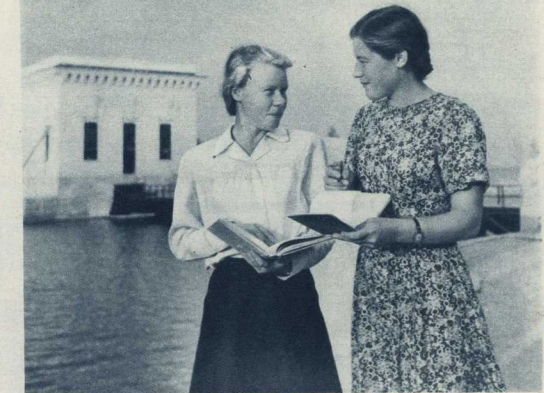
Недавно Фая ездила в отпуск, в Горький. Была она и в нашем институте. Наш декан сказал ей:

— Молодцы, девушки. Ни один парень так не работает.

После окончания строительства я поеду, конечно, на другую стройку. Обязательно на большую. И уж на этот раз не на мотение, а непременно на бетонные сооружения, как Фая. Евгений Иванович Сальников говорит, что на соседующую стройку мы поедем с ним вместе, но что придётся мне и там мостить, потому что специалистов-мостовщиков мало, знающие люди не должны, как он выразился, «терять свои профили». Но это мы ещё посмотрим... До сих пор всегда мои мечты сбывались.

И на этот раз, думаю, будет по-моему.

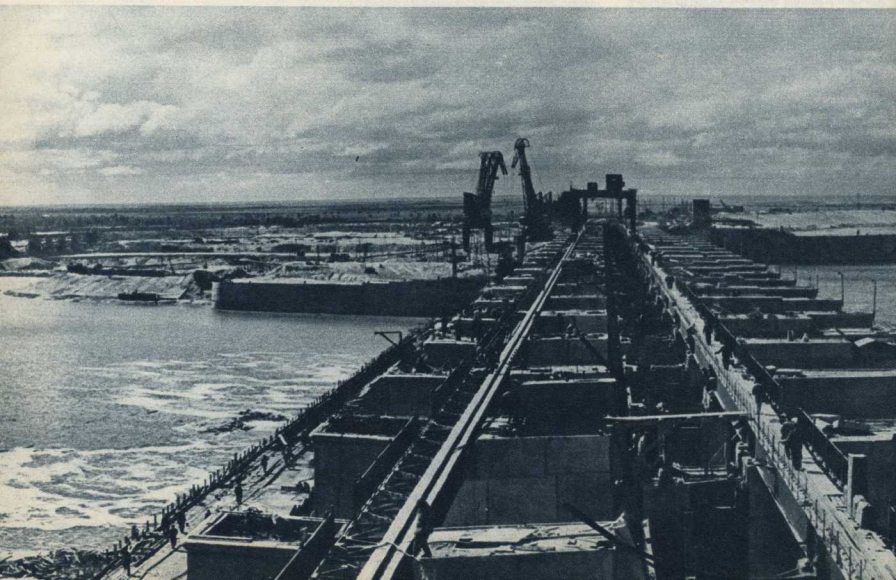
Литературная запись
М. АГАШИНОЙ

Прораб Фая Белова и старший прораб Любовь Заннина. Фото Я. Халива

Бетонная водосливная плотина Цимлянского гидроузла.

Июнь 1951 года.

Фото Дм. Бальгерманца, А. Гостова

Июнь 1952 года.

КОНФЛИКТ

На рассвете под бункер бетонного здания подошёл автосамосвал и дал несколько коротких сигналов, словно шофёр требовал:

— Кто, не задержайся!
— Катя Гончишвила — дежурная лаборантка — дремала в ожидании этой машины на садовой скамейке в крохотном палисаднике около небольшого белого дома лаборатории бетонного завода.
«За новым замесом», — подумала она сквозь дрему, услышав гудки самосвала, — надо проверить бетон».

Бетон за все часы дежурства шёл нормально. Привычно скинув глазом поглядю порошку, лаборантка хотела сказать шоферу: «Езжайте!», — как вдруг её взгляд остановился на комочке величинной с горюшкой. Он отчётливо выделался на ровной, застывшей поверхности серой массы бетона.

Девушка заволновалась. Снова, и на этот раз очень пристально, она посмотрела на бетон: в автосамосвале плавало ещё несколько таких комочков. Катя взяла один из них и ристала пальцами. Это был песок, облитый вязкой палкой, как комочек муки в плохое промышленное тесто.

Катя задержала машину и вызвала смеяного мастера.

— В чём дело? — пробовала выяснить пожелание человека, взявшего автосамосвал.
— Браку? Бетон! — отвечала лаборантка. — Перемешан плохо.

— Ты спросонку, что ли? — насмешливо сказала мастер: он видел, что минуту назад эта девушка дремала, сидя на садовой скамейке.

— Нельзя гнать количество за счёт качества! — отрезала Катя.
Мастера задело за живое.

— Знаете что, товарищ! Вы ещё слишком молоды, чтобы учить меня! — раздражённо ответил он и приказал шоферу ехать.

— Бетон везти нельзя! — твёрдо заявила лаборантка.

Шофёр не торопился: ему очень хотелось узнать, в чём заключается спор этой красивой, тонкой девушки с дородным дядей, который к тому же, как смеяный мастер, выполнял в ночные часы обязанности директора завода.

— Также мне, начальница! — сказала мастер, окинув лаборантку с ног до головы таким выразительным взглядом, что Катя стало не по себе. Она поблдевала.

— Езжайте, товарищ! — снова приказал мастер водителю автосамосвала.

— А я говорю, везти бетон нельзя! — сказала Катя, хватаясь за дверку кабины, точно желая остановить машину силой.
Мастер побогрел от гнева.

— А я не позволяю срывать график бетонных работ, — раздался, ледяным тоном прорисован, его, сделав ударение на слове «срывать».

Этот разговор между лаборанткой и мастером привлек внимание рабочих. Людей около самосвала становилось больше и больше, и это окончательно вывело мастера из равновесия.

— Вы что, на спектакль собрались? — громко сказал он и круто повернулся к шоферу: — А ты чего ждёшь?

Водитель автосамосвала отстранила от двери кабины руку девушки, дал гудок и поехал в сторону.

Катя всхлинула, в её чёрных больших глазах загорелись недобрые огоньки. Она бросилась к контрольным воротам завода, но, видимо, переудав, резко повернула к лаборатории и скрылась за дверь.

Через пять минут девушка, возбуждённо кричала в трубку телефона:
— Дайте участок заградительных ворот! Участок? Говорит дежурная лаборантка. К вам повезли плохо перемешанный бетон. Укладывать его в сооружения нельзя! Что? Да, отвечай!

Мне позвонили из квартиры. Я только что вернулся с заградительных ворот, где бетонщики упорно соревновались за пере-выполнение графика. Выпешательство лаборантки срывало им работу, и производитель работ предупредил меня:

— Займлюсь вам, как начальнику лаборатории, что ваша лаборантка ошибается. Прощу вас дать ей указание.

— Какое? — спросил я.

— Чтобы разрешила укладку бетона. Я отказал, заявив, что сейчас же буду на стройке сам. Не успел я положить трубку, как снова раздался телефонный звонок. На этот раз звонок сам смеяного мастера.

Александр ЯШИН

ШЛЮЗ ОТКРЫТ

Уже закончилась работа, и на башинной башне зажглась звезда, Уже в заградительные ворота Стучалась мутной волной вода.

В железобетонной камере шлюза Уже зачистили дно с утра, Остатки всякого лома груза Кран торопливо нёс на-гора.

Не раз в створа в верхнем канале На глубину ходил водолаз. А мы почти дышать перестали, С командного пункта не сводим глаз.

И вот над мостиком, Над парашютом, Как светлая музыка разнеслась, Как песня мира: Открылись кинькеты! И полилась вода, полилась.

Пошла голубушка, закипела; В рывёшке гасителя биёлся вал Разгорячённый И брызги белоглазые; И загудел весь шлюз, как Дарьял.

Казалось, к ногам строителя шлюза Потокон пенитым с высоты Летели из всех угловков Союза Цветы Первомаи, Любим цветы.

А той порой из-за поворота, От дна, Где тоске росла вода, Уже поднулись в входном отверстии И в очередь выстроились суда. Волго-Дон.

— Григорий Дорощевич! Голубчик, — по-волжски окая, дружелюбно говорил он, но за этим дружелюбием чувствовалось плохо скрытое раздражение. — Ваши девчонки вместе с умом поскодками и срывают мне график! — гудел в телефон мастер тоном обижённого человека. — Чувшь ты, голубок: сидит, дремлет, вдруг срывается спросонку и раз-браску! Взгляни, кричит, рабочий собрал! Ну, понимаешь ты, спектакль и толк! Надо, думаю я, ты в меня погоди, я вот позволю Григорию Дорощевичу. Он тебя, голубушку...

— В чём, собственно, дело? — прервал его я.

Мастер мгновенно переменял тон.
— Товарищ Кравченко! — сказал он. — Немедленно разрешайте укладку бетона. В противном случае я вызову начальника строительства и вы вместе с Гончишвиловой будете отвечать за срыв графика. Меня смущала настоятельность старого мастера, с какой он требовал моего вмеша-

тельства в конфликт. Может быть. Катя действительно ошиблась?

К автосамосвалу с бетоном мы подошли почти одновременно, и спор тут разгорелся снова.

— Это же не бетон, а шпёк! — говорила мастер, показывая широкой ладонью на застывшую серую массу. Таково же мнение о бетоне бы и проруб, Комочков песка было видно. В дороге бетон потерялся, и он, возможно, перемешался с остальной массой. Да и были ли эти комочки? Я вопросительно посмотрела на Катю.

Девушка схватила лопату, легко вскопала на колесо автомашины и, глубоко черпнув бетон, вывела из него несколько неразмешанных комочков песка.

— Вот полюбуйтесь на этот «шпёк!» — гневно сказала она.
Было ясно, что укладывать в сооружения такой бетон нельзя, но мастер, видимо, не понимая этого, искренне расхохотался:

— Комочек песка!.. Вот чудачка! Да, в первых его разобьёт выработчик при укладке, а вот нах, какое впечатление производит какой-то комочек в железобетоне, который возмущается, как границная скала!

Убеждать этого человека словами было бесполезно. Я пригласила его пройти в блок, где тогда укладывался ещё до моего приезда на стройку, и показала несколько раковин, а своё время отменивших актами.

— Вот результат этих комочков! — сказала я. — В раковину непременно попадёт вода. Кипля воды долбит камень. Ясно?

— Ясно, — хмуро ответил мастер и честно признался, что не знал этого.

— Буду перемешивать бетон лучше, — заверил он меня и рассказал о задуманном и потереившем теперь цену своём «скрепке». Оказывается, «скрепка» этот задержался в том, что он хотел сократить время замесов и этим поднять кривую выдана бетона.

— Григорий Дорощевич, нет ли у тебя какой книжки по бетонному делу? — перебил я, и вот нах, какое впечатление производит этот мастер, что он хотел сократить время замесов и этим поднять кривую выдана бетона.

— Книжек много, — ответил я, не понимая, в чём дело.

— Да вот, насчёт гидротехнического бетона. Не доводилось мне раньше работать на гидротехнических сооружениях. Хочу поучиться...

Примерно через месяц после этого случая на приёмку забетонированного сооружения приехал начальник отдела контроля бетонных работ на Волго-Дон, кандидат технических наук, лауреат Сталинской премии Медведев. Наш мастер присутствовал при приёмке блоков в качестве представителя завода. Тут же бымы и наши лаборантки.

— Отлично качество бетона! Ни одной раковины! — похваляла нашу работу. Мастер просеял.

— Да ведь откуда же им и взглясть, раковинам-то, товарищ Медведев! — сказала он. — Мы же понимаем, что такое гидротехнический бетон, и перемешиваем его на полной научной основе, аж до того, что не найдёшь ни одного комочка и в булавочную головку.

Катя Гончишвила толкнула в бок свою подруку Шуру Лебедеву. Лаборантка переглянулась между собой и, не выдержав, рассмеялась.

Мастер им ответа дружелюбно улыбкой.

Литературная запись
Г. РИТИЦИНА
Вереславский строительный район.

Рассказы строителей
Волго-Дон

М. ЧАЧКО

КНИГОНОША

Рассказ

Полти бегом, придерживая на боку отцовскую лодковую сумку, туго набитую книгами, Стёпа спустился по откосу к реке. Паром стоял у причала, но паромщика нигде не было видно.

— Дедушка Никита! — крикнул мальчик. — Где вы? Гомос далеко разнесёте по серебристой водной глади и замер. Никто не отозвался. Саминю было, как падалась вода о настила причала на в голых кустах озноба переложкался прозды, приластеше в этом году раньше обычного.

Что же делать? Как переправиться на другой берег? Одному с паромом не справиться, да и, наверное, паром заперт на замок. Вдруг мальчик услышал глухой звук удара. Он огляделся и заметил в ознобе опрокинутую лодку. Стёпа обогнул её и увидел дедушку Никиту. Стоя на коленях, паромщик кончатая плоскодонку.

— Здравствуйте, дедушка! — облегчённо вздохнула Стёпа. — А я думал, вы куда-нибудь ушли.

Старик, не прекращая работы, кивнул и что-то пробормотал в ответ. Длинное, худое лицо его было серьёзно.

Стёпа знал, что при исполнении своих служебных обязанностей дедушка Никита строг и даже переборчив к ребятам. И, по правде говоря, nemao они достают хлопот, когда прибегают из деревни кунаться, то норуют на ходу вынуть с паромом, то покатятся на прогнутом от берега к берегу тросе.

Стёпа сказал:

— Дедушка Никита, мне на ту сторону надо.

Старик некоторое время молчал, а потом, искоса поглядывая на мальчика, спросил:

— Это куда же? В лесничество?

— Нет, мне к Почаевской роще. Там полевой стан тракториста Холстинина.

Никита Парфёныч удивлённо поднял брови:

— А он тебе друг-приятель?

Стёпа серьёзно улыбнулся, похлопав ладонью по полевой сумке и не без гордости торжественно заговорил:

— Литературу вот несю, хорошую библиотечку. Как трактористы прочтут, на обмен другие книги принесут. Из нашего класса шестеро ребят в книгоноши записались на всё лето: Витя Запарин, Саша Березин, Валя Чумейко, Вася Шариков да Лёля Сапелькина. Они тоже сегодня с дедушкой поехали в бригаду. Только им всем далеко идти, а мне самый дальний маршрут. Сам выбрал.

— Так... — неопределённо проговорил Никита Парфёныч. — Это всё, должно быть, дочка Василия Силкина придумала...

— Да, Наташа — вожатая нашего отряда. Она посоветовала не только относить книги, а и вслух людям что-нибудь почитать.

— Книги — дело хорошее, только зачем вина нустья, — глядя не на Стёпу, а куда-то в сторону, сказал Никита Парфёныч. — На пароме упавшую с головы шапку водить некогда. Не до книжек. Стёпа сдвинул брови и тихо, но отчётливо повторил:

— Вы меня, дедушка, на тот берег перевезите. Торопяюсь я идти ведь далеко.

В голосе его теперь звучала настоячивая просьба.

— Поспешь, — грубовато проговорил старик и бросил на дно лодки длинную стамеску. — Машина вот подождёт.

Деятельно вкоре послышался шум мотора, а затем покачалась полугрунта, спускающаяся к перевозу. Услышав ли старик звук мотора раньше, чем Стёпа, или он знал, что грузовик должен прийти, определить было трудно.

По шаткому настилу машина осторожно въехала на паром, и шофёр, чубатый парень в синей брезентовой куртке и суконных ботинках, широкими направленными в сапоги, поспешно вылез из кабины и ловко подложил колодки под скаты.

Никита Парфёныч отцепил крючки, и все трое — паромщик, шофёр и мальчик — взялись за трос. Паром стал плавно удаляться от берега.

Ну и отсталая вама техника, папаша! — сокрушённо покачал головой шофёр и неохотно добродушно засмеялся. — Без «Дубинищука» тут не обойтись...

В тот собеседнику старик шуточно ответил:

— Что ж, затяни лесню, может, поальём быстрее. Папироски негуг?

Шофёр вынул толстый алюминиевый портсигар, угостил Никиту Парфёныча и сказал, что едет в лесничество за саженцами.

Стёпа пожалел, что тракторная бригада Холстинина выбрала себе станию где-то на опушке Почаевской рощи, а не возле леса. Если бы дедушка Никита, то паромщик, уже заведя машину, может быть, даже рядом с шофёром.

— Назад скоро ли вернётся? — спросил Никита Парфёныч шофёра, когда паром подошёл к берегу.

— Мне ещё в совхоз надо захватить. Оттуда я уже через мост назад махну.

— Вот и алдно, — обрадовался паромщик. — Я с вечера в деревню уйду. Так что держи курс на мост.

— Слушаюсь, папаша, — кочернула шофёр. — Будет исполнено. Попрошавшись с паромщиком, шофёр, уже заведя машину, удивлённо поглядывая на мальчика.

— А ты чего стоишь? Особого приглашения дожидается?

Садись.

— Ему к Почаевской роще, — вместо Стёпы ответил дед Никита. — Книги трактористам несёт.

— Значит, не по пути, — тряхнула парень своим чубом. Машина его быстро покатила по узкому, проложенному по заболоченному лужку настилу к грунтовой дороге. Двинулся в путь и Стёпа. Не прошло он и десяти шагов, как услышал вопрос парника:

— Дорогу знаешь, агитатор?

— Знаю, — бордо отозвался Стёпа. — Найду.

— По болоту пойдёшь, с протеренной тропы не сходи: попадаешь трясину.

— И-и-ны, — глухо откликнулся эхо. «И-и-и-ны!» — свистнула как-то птичка в вышине и затерялась в небе.

Стёпа поправил сумку, выпрямился и лёгким, ровным шагом, каким научился ходить во время пионерских походов, пошёл вперёд.

Проблочная дорога сперва веела по заливному лугу, а потом по перелесам, зелёноватим развесистым верхинами берёз. Под деревьями, как зеленящие, белела ветреницы.

Мальчик шёл и размышлял о школе, о товарищах, о предсто-

шей встрече с бригадой знатного тракториста. Ещё в школе, слушая наставления вождя! Стёпа решил, что он непременно прочтёт веху тракториста расказ. Он даже заранее обдумал, какой. Разговор с паромщиком его немного озадачил. Неужели прав дед, и теперь трактористам не до чтения? «На месте всё выяснится», — подумал Стёпа и заматка быстрее.

Вот и болото, окружённое невысокими холмами, за которыми уже начинался Почаевская роша и поля колхоза «Красный пахарь».

Слушаясь к болоту, Стёпа вдруг вспомнил, что в прошлом году здесь попал в трясину телянок и пастухи его еле вытаскили. Мальчишка сюда почти никогда не заглядывал.

Стёпа благодушно пересёк болото и легко поднялся по длинному скату на бугор.

На опушке леса Стёпа разрыскал белый домик на холмках. Он был необыкновенно привлекателен своими чистыми окошками, ступеньками перед дверью, антенной над крышей.

Хорошо жить в таком походном домике! Проспать на заре под свист птиц, обнять в ручье искупавшаяся, а потом сесть за руль трактора и пласт за пластом поднимать плугом жирный чернозём!

— Вырасту — стану трактористом, — решил Стёпа.

В домике никого не оказалось. По косогору шёл трактор с тремя селяками. Поднял став чёрных грачей, Стёпа побежал ему навстречу по плыню.

Тракторист и работанше на саялках колхозники с любопытством смотрели на приближающегося мальчика. Стёпа никого из них не знал. Должно быть, все они были из соседней деревни Костоковы.

— Что скажешь? — спросила мальчика тракторист, сверкнув белыми зубами.

— Книги принёс! — громко крикнул Стёпа, шагая по борозде. — Из нашей библиотеки!

— Кто принёс? — переспросила тракторист, покачиваясь на своём сиденье. — Какие книги?

— Разные.

Мальчик на ходу растегнул сумку, вынул пару книжек и помахал ими в воздухе. Тракторист, очевидно, поняв, в чём дело, широко улыбнулся.

— Спасибо! Маленька погуляй, мы скоро на ужин пойдём. — Стёпа постоял ещё немного, а потом вернулся к домику. Он заглянул под навес, где стояли железная бочка, мотоцикл, покрытые брезентом мешки с зерном. Потом он зашёл в домик. Вниманье его прежде всего привлек батарейный радиоприёмник. Стёпа попытался его настроить и так этим увлекся, что и не заметил, как вернулись люди в поля.

— Ну, иди сюда, пареньёк! — крикнул ему через открытую дверь тракторист. — Покажи, что принёс?

Семён Холатини сидел на яне и курил. Лицо у тракториста было запальное, натруженные руки лежали на коленях. Видно было, что он сегодня поработал на саяву и, должно быть, порядком устал, но глаза его смотрели весело, задорно.

Высокий молодой колхозник резжата костёр, а двое других мылись у рудомойника, висевшего на дереве.

Стёпа подошёл к Холатини и раскрыл свою сумку.

— Вот «Жатва» Николаевой, — сказал мальчик, передавая трактористу толстую новую книгу. — «Избранное» Павленко, расказы Мамина-Сибиряка, брошюры...

— Модеён! — Холатини ласково потрепал мальчика по плечу. — Пройдём, что нужно. Спасибо, почтима на досуге.

— А дед Никита меня трагата, зачем сюда с книжками иду. Передохнуть, говорит, расказам некогда, и нечего с книжками соваться.

Конечно, пора горячая, каждой минуте дорожим, — улыбунулся Холатини. — А всё же без чтения не обходится: газетты обязательно читаем, а если времени хватает, то и в книжку заглядываем.

Между тем на костре поспела каша. Все усаелись ужинать. Давно уже не ел Стёпа такой вкусной каши, не пил такого вкусного, пахнувшего дымяком чая.

И всё время мальчик думал о том, как сказать трактористу, что он хочет прочесть веху один замечательный расказ.

По сути дела, ему уже пора было возвращаться. Если он ещё немного задержится, то и бегом дотемна не доберётся до паромы. Старик уйдёт в деревню, и придётся идти к месту, а в это уже не меньше двенадцати километров. Но уйти, не выслушав задуманного, Стёпа не мог.

Мальчик покончил с едой раньше других, и ему показалось, что наступил подходящий момент. Записная, он сказал, обращаясь ко всем:

— Мне бы, я расказ хочу почитать, маленький совсем, интересней, о товарище... вы сами узнаете.

Холатини сразу поняла, что творится в душе у мальчика. Переглянувшись с товарищами, тракторист сказал:

— Ну что ж, с удовольствием послушаем. Верно, ребята? — Конечно, давай, давай, — охотно поддержали его остальные.

Стёпа встал, раскрыл книгу на нужной странице и громко напал слово произнёс:

— «Сила слова», расказ писателя Павленко.

От волнения у него перехватило дыхание, но постепенно, увлечённый расказом, он стал читать уже с истинным влдоением. Писатель рассказывал о мужестве, о верности слову. Описываемые события происходили много лет тому назад, ещё до Октябрьской революция. На межпартийное совещание тайно собрались сильные разных партий. Докладчик должен был прибыть из соседнего посёлка. Это был молодой известный революционер. Его ждали люди. Он не явился. Откладывая совещание нельзя было, и люди, принадлежавшие к другой партии, чем докладчик, настаивали, чтобы не откладывать совещание, потому что погода всё равно не позволяет ему прибыть.

Весна в тот год случилась ранняя, снег поддаёлся солнцу, а лёд на реке истончился и местами уже тронулся. Ни на собаках, ни на лыжах ехать было нельзя. А на лодке опасно. Лыжники могли разбить лодку, да и выгнать против течения было человеку не по силам.

Все те, кто хотел подождать, не сдавались.

— Приедет! — упорствовали они. — Если он сказал: «Буду», — обязательно будет.

— Обстоятельства бывают сильнее нас! — горячились их противники.

Но спор вскоре разрешился. Тот, кого ожидали, прибыл.

— «Вверх по реке», — читал с увлечением мальчик, — против битого льда медленно, зигзагами шла лодка. На носу её стоял худой человек в меховой куртке и в меховой ушанке. В зубах его курилась трубочка; он спокойными движениями, неторопливо откинув вперёд голову, напевалше на лодку.

Лицо слушавшей выражало живой интерес. Было видно, что всё, о чём говорилось в расказе, глубоко их волнует.

Мальчик закончил чтение. Наступившую тишину никто не прерывал. Каждый с благоговением думал о человеке, который всегда, всю жизнь верен своему слову, верен правде.

Заря дотерала, лёгкий, чистый весенний день смешился сумерками. Стёпа спохватился:

— Пора мне домой.

— Ночуй у нас, — радушно предложил Холатини. — Куда на ночь глядя пойдёшь? Утром к нам из колхоза семена привезут. С этой машиной и вернёмся домой.

Предложение было заманчивым, и Стёпа задумался. Если он рано выедет отсюда, то в школу поспет. Но ведь он не предпринял мать, что может заночевать у трактористов. Если он останется здесь, мать будет волноваться. Нет, надо идти. И в то же время ему представлялся болото, которое надо пройти, пустынные поля, перекосы.

— Поиду, — решительно произнёс мальчик. — Мама будет беспокоиться.

— А ты не боишься?

— Нисколько. Я в яичное сколько раз ездил.

Потоди, — что-то обдумав, поднялся Холатини. — Сейчас поспем.

Он пошёл к навесу, вывел мотоцикл на плыню.

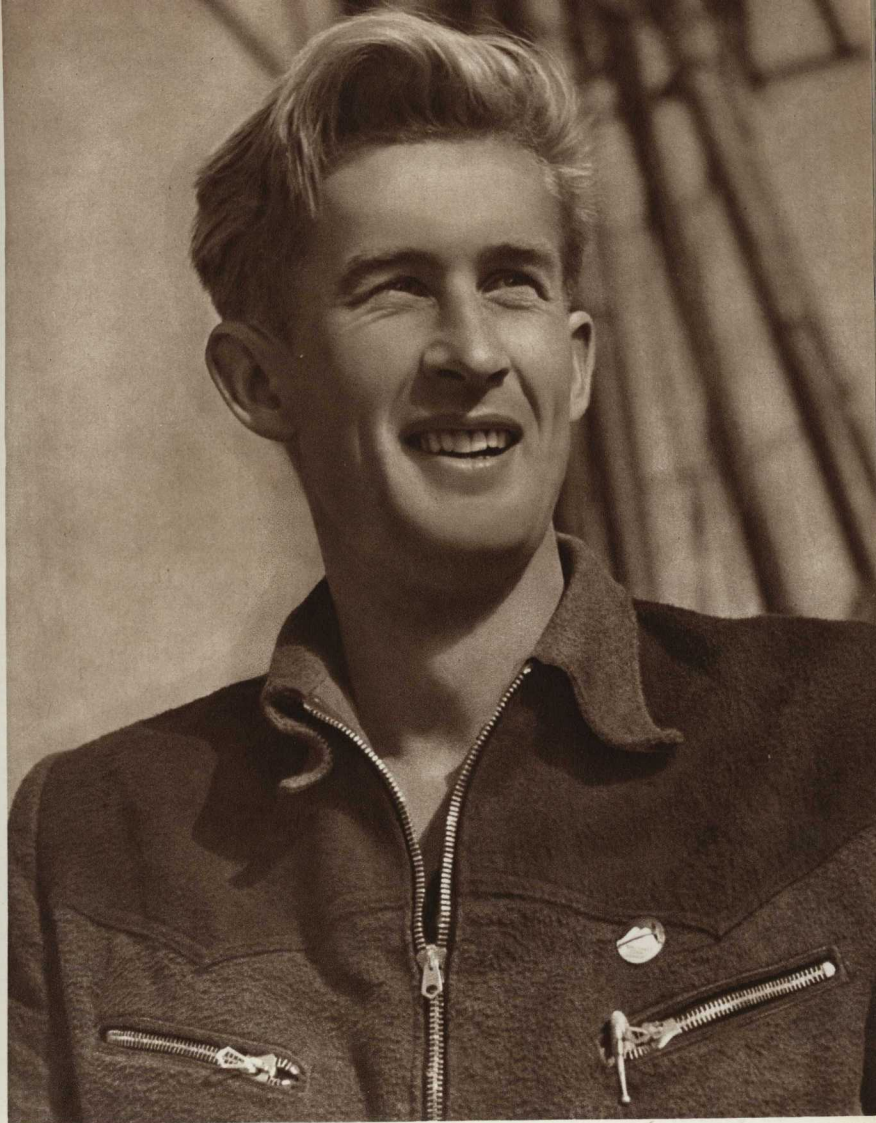
Через некоторое время Стёпа, крепко держась за дужку, видя перед собой только спину Холатини, мчался домой. На душе у него было радостно. Он думал о том, как завтра расскажет товарищам. Тяжёло о всех колхозниках, которые с ним проехали.

Когда мотоцикл подошёл к переправе, где одна из дорог вела к парому, в свете фары выросла какая-то тёмная фигура с поднятой вверх рукой. Холатини сбросил шаг и затормозил. Человек хриплым голосом спросил:

— Париниш, случаем, не видишь? С сумкой.

Стёпа узнала голос дедушки Никиты и сестренка с сиденья на земах. Старик живо обрадовался ему, но сразу же ворчливо проговорил:

— Шатаются до полуночи, а ты тут сиди, дожидайся! Холатини повернула назад, а старик и Стёпа пошли рядом к реке, над которой стала прозрачная дымка тумана.

Старший инженер по монтажу Цимлянской гидроэлектростанции комсомолец
Вадим Чирков.

Фото А. Моклецова

Лес — великим стройкам коммунизма.

Фото А. Гарягина

ДРУЗЬЯ

...Когда-то это была гора Кумшак, лыся, седая от пылины. Кто пыла по Дону, загрохидыва голову: высоты! Ух ты! Теперь горы не стоят; все вокруг — лесок и Цимлянская плотина, а море Дон поднялся и широко разлился морем. По плотине, все тринадцать километров, с левого на правый берег летят по ровному шоссе машины. Небольшой, совсем лёгкий поезд — и вы в Кумшак, в просёлочном для персонала, обслуживающемся плотину и гидростанцию.

Будто бы и людей немного, а посёлок раскидистый: ряды улиц обсажены акацией, за ней, как за палисадником, молодые вишнёвые и абрикосовые сады. В садах чудесные дома: каменные, высокие, просторные, с застеклёнными террасами, с ренессансными украшениями, как кружевами, вокруг мезонинов. По берегу приморский бульвар, аллея молодых тополяков и кипарисов, шпешники. За бульваром парк: зелёные деревья, кустарники, цветники, скамейки. За парком школа. На площади магазины, домик поселкового совета, перед ним трибуна. Словом, всё, что должно быть в большом городе, всё есть и в Кумшак — так теперь называют не гору, а посёлок, примыкающий к станции Цимлянской.

Для Аукшапов и Русанова здесь тоже есть два дома. Так они и строились специально для них, так они на планах и назывались: «домы дежурных инженеров ГЭС». А куда им два дома? Даже смешно.

Вот комната, в которой они прожили два года: две кровати, стол, тумбочка с радио-приёмником «Валятика», стулья и довольно свободное пространство у дверей. На стенах — полки с книжками, журнальчиками. По ним нетрудно разгадать привязанности каждого. У Аукшапов между книг по специальности — несколько книг по альпинизму, дневники путешественников Арсеньевых, Милькиных-Макалов, Пржевальского — Русановов одностопом — Шеррига, Гоголя, Крылова, Чехова, книги по музыке. Русанов обычно читает книжки лёгкая, Аукшапов — сидя за столом. Он любит записывать в тетрадь понравившуюся фразу, подчеркнуть какое-то место в книге, поставить на полке знак вопроса или восклицания, а то и записать своё мнение о прочитанном.

Вот сейчас он читает книгу о Яблокове, как раз то место, когда Павел Николаевич встречает Менделеева и оба ученика мечтают о будущей электификации России, мечтают широко и смело.

Тонко заточенный чертёжный карандаш оставляет еле заметные следы на полке: «Друзья! Как она обогащает обонх. Это есть сильное дружбы! Любовь без неё блудна».

Последние время вопросы дружбы и любви особенно волнуют двух друзей. Вот и сейчас звонит телефон, и Русанов, лежащему на кровати, слышно, что говорит Аукшапову начальнику жилищного отдела.

— Вы мне, ребята, признавайтесь — грешит трубка, — меня стесняется нечего... Будете жениться, дам два дома, а нет, так вселяйтесь в один. Русанов там! Ну, вот обсудите, не горюпись, обстоятельно, я вам минут через десять позвоню. А то мне распрощаться дома надо...

Новое дело! Жил два года, и никакой тебе заботы, зная работу на подстанции. Вся жизнь этих лет была заполнена сомнениями тревог и беспокойств, сотнями радостей и огорчений. Как бы причастно с предостерегающей надписью: «Не входить смертельно!» — и шутливо к знакомым читая, пробравшись взглядом по стрелкам и сразу увидев работу земланных спя-

рядов, экскаваторов и других электрических машин, которыми так богата стройка! Вот куда дрыгала стрелка на одном приборе и пополам, пополам аврапо по шкале, а где-то в заботе в эти мгновения экскаватор грымзёт забетонированную стенку, наполняется ковш. Потом вдруг стрелка приборе — ослабление откатывается назад. В это время экскаватор поворачивается и разрушает ковш. Значит, питание сети нормальное. А вот мигает сигнала, звонит телефон: кто-то требует подкалывать, кто-то выключить, кто-то обещает, что никогда это рывнуло бригаду — и дежурный диспетчер, с утра мая с ночи приступивший к работе, Аукшапов или Русанов, управляет всеми этими сигналами, чтобы видеть на стройке присутствовал жизненный импульс — электричество.

На них все эти два года, как и на большинство строителей, действовало тоже могучий, жизнеутверждающий импульс, вызываемый атмосферой деятельности, в которой они находились, и теплом жизни. Это было та прекрасная романтика строительства, та увлечённость трудом, которая охватывает и обогащает каждого, наполняет силой, не даёт чувствоваться усталости. В этой готовности на любой труд и в этой увлечённости работой и есть красота нового строительства — черта юности, особенная.

— И не может Виктор Русанов увидеть дома. Пришла со смены, выпалась, побобо-

вело сразу, все знания. Как же не помочь другу?

И Аукшапов также. Разве увидишь дома? Другой раз задержится немного.

«Где бы?» — спросит Русанов. «Письмо писал Инге».

«Ты же вчера отправил».

«Инга! Она немало занимала мысли Аукшапово. Но разговоры с Русановым всегда оканчивались одинаково. «Смотри, — говорил Виктор. — Тебе виднее». Но ведь я люблю её».

«Да и разве возвращай?» — отвечала Русанов и вечно радостно-приветливо на восторженную громкость. «Она обещала приехать в конце строительства» — кричала Аукшапов. Виктор выключал приёмник и спокойно отвечал: «Да разве я против?»

Женить, она ведь очень славная девушка! — «А ты, ты когда женишься?» Русанов хохотала. «Ишь, чего захотел! Ты мне сначала новость найди». И оба смеялись.

Как ни смеялись друзья, а видно, оба болялись помех в их дружбе — дружбе, которая началась осенью этого года, потому что не успевало ещё столько окрепнуть на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

«Весна нынешнего года всё изменяла на Цимлянском гидроузле. Она испытывала плотину, изменяла облик всего края, потому что не успевало ещё так складываться на стройке и которой оба очень дорожили.

Лев ЧЕРНОМОРЕЦ

На Енисее

Здесь бегут на север теплоходы...
Земляки — лодцы, оленеводы...
На мильках и плотах плывут.
Плещут волны... свежим ветром веет...
И цветёт на волнах Енисей
Радужными пятнами мажут.

Вот она, река моя родная!
Я о будущем её мечтаю,
Вольными просторами дыша...
Знаю я: по нашему велью
Мы в пустыни повернём теченье
Енисей, Оби, Иртыша.

Повернём! У нас такие люди,
Если кто задумал, то будет.
Мы от лыдиной тундры до степей
Путь тебе проложим, Енисей.

Мы тебя, бегущий сквозь Саяны,
Называем братом океана,
Но настает время — и тогда
Как под небом северным Игарки,
Так твою под солнцем Юга жарким
Занёп, заплетается вода!

— Будет день — увидишь среди степей я
Голубые волны Енисей.
И пустыню превращая в сад,
Выйду к Енисею: — Здравствуй, брат!

два в «пятиморское» (так строители называли свою стовуюсь — одно из первых зданий в Носсоловской) — и не читать, ни писать, и дело глаза смотрят на черны, а до смены ещё дала. Но ноги — что с ними дала, они сами идут к подстанции. И мысли все там, у штурва, где дежурит его друг Аукшапов. Дежурство идёт спокойно, но вдруг где-то авария, и в эти три часа пять минут диспетчеру надо вложить

ние биологизировать в Верховный Совет Российской Федерации по Кировскому изобретательскому округу Ленинграда. В отделе на трёхэтажном карусельном автоматическом станке комсомольца Алексея в первые часы устанавливал корпус водной турбины, той самой, что сейчас вращается здесь на ГЭС, автоподъём от пульта управления.

Цимлянская ГЭС. Мощность её скоро будет 160 тысяч киловатт. Токи её направляются в энергетическое кольцо сначала розетских станций, а затем в мощную систему Юзверга, в которую сливаются все электрические реки Дона-Сейды. В это электрическое море вольты текут через несколько лет токи и будущих нижедонских станций.

Цимлянская ГЭС. Её управляет дежурный инженер Лукашов, в которую в первый день немало записей в оперативный журнал. Каждое слово звучит торжественно: «13.05.52 Монтаж первого гидрогенератора 00 ч. 47 м. ротора Цимлянской гидроэлектростанции закончен. Генератор осмотрен и готов к пробному пуску».

01 ч. 26 м. Монтаж турбины закончен. Турбина № 1 готова к пуску. 18.05.52 Запущена турбина № 1 на 23 ч. 56 м., нормальные обороты.

Свершилось. Цимлянское море единило с места и закружило турбину. Пройдёт дней двадцать, и 6 июня, в 9 часов 30 минут, Лукашов записит в журнал: «Генератор № 1 включён на параллельную работу с системой «Ростовэнерго».

На главном пульте вместе с Лукашовым Виктор Русянов. Он следит за приборами. Лукашов по телефону разговаривает с дежурным инженером «Ростовэнерго».

— Нет, у нас ничего, проходило, — заканчивает разговор Лукашов. — Конечно, море, — подтверждает он.

И вот они уже эксплуатационники. Всё идёт на своём.

После окончания смены друзья поднимаются на плотину. Жара уже сильна. Оневат морской ветерок.

— Пойдём в Кумухах, — предлагает Виктор.

Они идут молча.

— Нехорошо, что не ответил начальнику жилищного отдела, — говорит Лукашов.

Они подходят к домику. Проходит за зелёную ограду и заглядывают в окна. — Это кто там?, — слышат они грозный бас.

Это комendant. В двух молодых парнях, одетых в пламенные костюмы, он не признаёт дежурных инженеров ГЭС.

— Хотите посмотреть? — спрашивает он и уже тоном экскурсовода начинает: — Это дом дежурного инженера Лукашова. — Он открывает дверь террасы. — А тот, — он показывает ключом, — тот дежурного инженера Русянова. — Комendant выпинает запертую книжку и листает страницы: что-то ищет.

Друзья перегадываются. Значит, всё решено без них. Им даёт два дома. Они теперь будут соседи.

Вот так, — продолжает комendant, — тот дом Русянова, — он заглядывает в книжку, — Виктор Алексеевич. Но его дом мы решали отдать под квартиры для приезжих, а этот дом отдаём инженеру. Ой, видите ли, друзья, — не хотят ставиться. — Комendant открывает одну дверь за другой. Они будут инженеры дома с женой. Она, правда, ещё не пришла, но у меня есть сведения, что её ожидает. А в этой половине будет их кабинет, тут и комната Русянова. Ну, конечно, ванная, кладовая и прочее. А друзья уже уходят, но, вероятно, главный инженер или начальник жилищного отдела так решил, и уже с благодарностью согласился с ними.

— Хороший вы комendant, — говорит Лукашов.

Комendant довольно разглагольствует своим казачьим с полусказочным утом.

— На нашей работе тоже надо людей понимать, — говорит он.

Рисунок Г. Филипповского

ИХ СТРОИЛ

Во всемирном прогрессе лет назиданий международной скандальной шестёрки министров, десять сенаторов, что пидкисает элевос французского парламента, инженеры Лессенс и Эйфель сеяли на скамью подкупщиков за чудовищные злоупотребления на постройке Панамского канала. Во время суда газеты писали о Панаме: «Во всем мире нет другого места, где было бы сосредоточено столько много плутовства и гадости, такой скандальной лжи и лозов, моральной и физической мерзости». Спорить не приходится: правильно, и относится это не только к одной Панаме.

Вспомните «Взрыв» историко-художественный фильм, историю, которую бы удач буржуазных строен.

Суэцкий канал. Много веков прошло с тех пор, когда он впервые соединил Средиземное и Красное моря. Его часто заносило песками и ещё чаще разрушалось во время наводнений. В такие времена вдоль запертой впадины дороги от Порт-Сауда до Суэца шли караваны ослов и верблюдов, перевозящих товары.

В VIII веке русло канала окончательно высохло и заросло лесом. Но после открытия морского пути в Индию о Суэцком канале снова вспомнили. Это была великая торговая дорога из Атлантики в Индийский океан, чье открытое путь вокруг Африки.

В шестидесятых годах прошлого века канал через Суэц построили несколько в своем направлении. Правители Египта предоставили строительной компании рабочую силу бесплатными, а бесчисленное количество и порывовым людям на канале погибло около 20 000 египтян-феллахов. От канала раздала от открытия первой навигации прошло более 10 лет. А ведь трасса канала проходила через песчаную плоскость пустыни, где только море и ветер, который прохладит канал, давали жизнь египтянам. Не хватало ни шлозов, ни плотин, ни каких-либо иных крупных искусственных сооружений. Суэцкий канал самодельный.

В 1869 году от Порт-Сауда до Суэца построили шестьдесят восемь судов под флагами разных стран мира. Это была внушительная демонстрация международного значения первого пути из Европы в Индию, в Тихий океан.

Открытие Суэцкого канала было поразительным событием. Великобритания, Россия она целиком контролировала окружающую территорию. Индия — старый путь терял прежнее значение, а Египет, в котором всталась пометать постройки канала. Но это ей сделать не удалось. Тогда англичане занялись любыми средствами захватили индустриальную позицию на новой трассе.

Прошло несколько лет, и англичане поняли, что им необходимо иметь 45 процентов всех акций, выпущенных «Компанией Суэцкого канала». Власть над кан-

налом фанатически перешла к английскому капиталу.

Канал названного обозначил английская колонизация и разгромил Индию. Одним из первых шагов к каналу в Индию, были толпы миссионеров, полицейские и солдаты, вооруженные скорострельными ружьями.

В полную зависимость от иностранных хозяев канала попал и сам Египет. За все смеялись с линиями лет существования канала не привнес трудящихся Египта ничего, кроме изабалы и разорения. Египтяне начали видеть, как худые феллахи собирают на песке библиевый ивманы «судьбы феллахины», — а по берегу канала натурно бредут египетские бурляны.

Приближается время окончательного срыва концессионной территории Суэцкого канала. В 1968 году канал должен был перейти в собственность Египта. Однако, по американскому плану, весь Египет стратегически превращается в одну из главных военных баз НАТО в Восточном Средиземноморье. Англия увеличила численность своих войск в Египте с 18 тысяч человек до 100 тысяч человек. В нескольких районах оккупация строится военные объекты. От Порт-Сауда до Суэца берега канала усилены британскими военными солдатами лагерей, заняты многочисленными аэродромами, танкодворами, артиллерийскими парками.

Но хотя в Египте посевку и распространяется англичане, британское владение на суэцких водах начинало колеблется; и каналу настойчиво добиваться американцы. Преставительная делегация США при Ватане упорно добивалась «уступить 1 000 акров канала, пограничного с 1869 году между Наполеоном III, в 1848 году Тьер XII и правду американцам императорской повозкой.

В 1948 году — началось. Не исключая возможность, что американцы залезут в сейфы и люквельные депозиты «Компанией Панамский канал». На первом этапе строительства 60-километровой ширины, разделяющий два океана, в Египте началось строительство шлюзов. Это было в XVI веке. Америка тогда была индустриальной колонией, и новоры Ислами специальным уязвом привнесла мысль о канале греков.

Вторую попытку свалить ставку построения лет англичане. Однако желтая лихорадка, индийцы и испанские воиска испорчили британские планы. На трассе будущего канала осели сивильские отцы буржуазии.

В 1880 году возникло «Общество французских инженеров». Вонгур построили канал под влиянием огулшнейшей зависимости колоний. На торжественный концерт по случаю открытия канавы в Панаме специально привезли из Европы знаменитую певицу Сарру Барнар. Целых восемь лет газеты

писали об успехах строительства. Потом вдруг «Общество международно-инженеров» объявило себя несостоятельным. По Францию проигралась война, а строительство разорилось держателем акций.

Но что вышло из суда? И сооружение канала признано без необходимых научных знаний. Проект был составлен безграмотно. Снабжение строительства было в рух во время Оландыи в Панаме. Строительство грозило мадую логию лопат делал. Строительные работы продолжались только в виде разрывов.

В мальярийных болотах люди гибли массами. Пятьдесят тысяч рабочих погибли. Рационально на кладбищах. Трупы выносили в вагонах, свозили на свалку в вагонах, свозили землей, вынутую на каналы. Многие инженеры заслуженно назвали Панаму.

«Общество международно-инженеров» сумело выполнить лишь 20 процентов работ, израсходовав средства, рассчитанные на строительство канала. Сменившая его компания владела только правами на участок из-за финансовых трудностей.

Этим воспользовалась Америка. Она стала строить канал параллельно с каналом французским. В 1903 году индиди французы продали им за бесценно право на строительство.

Но тут возникли новые, политические осложнения. Колумбийский президент отказался от договора на передачу концессии американцам.

Президент США Теодор Рузвельт не стал считаться с традициями. Он приказал бойкотировать расправился с нацией, поспешил подтянуть голландские суда.

Рузвельт организовал восстание в штате Колумбия — Панаме. Англичане начали угрожать, угрожающая мятежом, объявила штат независимой Панамой. Англичане испугались, объявили маршантажные правительственные суда.

Панамцы отделили от зоны канала в бесконтрольное владение США. Англичане отказались от своих французских постройкой параллельно с каналом США отказались от единственности. На территории Панамы провозглашено американской республикой Никарагуа тоже был подкорректирован. Президент американские Штаты изгонили президента из Никарагуа, назначили нового президента. Всеми правами нового подписывается с ним договор на контроль над международной дорогой, таможенными, банками и территориями, пригодной для постройки канала.

После Франции, Колумбии и Никарагуа США осталось покончить лишь с англичанами. Великобритания на совместное владение канала отказалась. Улучши момент, когда англичане испытывали стеснительность, американцы предложили заставить их отказаться от всех претензий на Панаму. Англичане согласились, но договор был состоялся наконец отрывки канавы. Англичане нормальное отношение после 1848 года к контролю над международной дорогой.

Каналы — большие технические сооружения. Их можно похвалиться капитализм сейчас, в середине XIX века! Историки считают, что не делается теперь в лагере американских инженеров империализма, дана так называемая «Компания Суэцкий и Панамский канал» — крупнейшие сооружения.

Капитализм стал извещать только лишь нехватку сооружений. И начал маху расхищением природных ресурсов, разорением полей, истощением и извращением видов чудовищных средств разрушения.

Америка... Все её научно-технические и производственные сооружения, прямо или косвенно обусловленные для новой плуто-строительной.

Американские подгитатели не имеют привычки думать, что можно, а обрушить так на мир силы стихий.

Г. ГОЛОВ

— Поэтому вам советую, милая Мэри, никогда не пользуйтесь револьвером системы «Грианы»... Во время судебного процесса выяснилось моё настоящее имя и то, что я три года назад бежал из дому. Благодаря этому я стал герцем дна. Пресса настаивала на моём освобождении и угрожала, что в случае моего осуждения народ освободит меня, а господ судей ищучег. Я также выступил с речью в свою защиту, которую окончила словами: «Докторальным с ваших губ, возможно, уже готово сорваться слово «да». Ну что ж, в таком случае я буду осуждён. А если с них сорвётся «нет», то я буду освобождён».

Мой невозмутимое спокойствие не только вызвало особое удивление, но привело к моему освобождению. И судьи не ходили чистить свою обувь ни к кому другому, кроме меня.

Один извещая в Чикаго выпустила открытки с моей фотографией, а другой известный миллионер, который не знал, как потратить свой капитал к старости, извещая желание меня усыновить. Я дал своё согласие и переселился к нему.

Но я была слишком свободным воспитанником и особенно не обращая внимания на его наставления и приказы. Мой округ так возмущался из-за этого, что скончался от удара.

Забрав всё, что только мог, я уехала на Зенда, где четырёхдесятитысячной южнокорейской в Сан-Франциско вырвала свою физиономию в жёлтый цвет, заказала себе длинную косу и выступила в кафе-штангитане как единственный во всех Соединённых Штатах китайец, умеющий правильно исполнять американские песни.

Мой никотинного было скоро разоблачено настоящим китайцем, который после выступления обрушился на меня с руганью на настоящем китайском языке. В порыве гнева он избил меня до такой степени, что мне пришлось проваляться в больнице около шести месяцев. Затем, мисс Мэри, после выписки из больницы, я наняла на торговое судно, которое занималось перевозкой контрабанды. Но наше судно взорвалось, вместе с ним, конечно, и я. Но мой полёт был настолько удачным, что рыбки выловили меня из воды и выследили на берег. Я очутилась на суше с пустыми карманами. В то время мне было

уже пятнадцать лет. Добрый фермер, который принял меня в пастухи, вывел большим стадом. А так как к ближайшему городу было всего пять часов пути, для меня не составляло больших затруднений в один прекрасный день отогнать туда стадо в сто двадцать голов скота и продать его скототорговцу, после чего я сбегала на Восток.

— Дорогой Вильсон! — восклицала Мэри. — О тёмном человеке, как вы, и мечтала всю жизнь!

— Торговля я также оружием, — продолжал мистер Вильсон, — среди индейцев; продавал им спирт, библии и молитвенники. В возрасте семнадцати лет я стал младшим проповедником в одной из сект и пользовался большим уважением среди индейцев. В это время один мой конкурент, проповедник другой секты, проводил более крупные торговые сделки, нежели я, особенно что касается спирта и виски. Я уговорил индейцев скальпировать его...

— Мой замечательный Вильсон! — Затем я меня различные профессии, в драках я убил пять человек...

— Вы убили пять человек? О мой дорогой! — восклицала мисс Мэри. — Какой вы милый!

— Ограблял два банка и наконец, милая Мэри, — произнёс мистер Вильсон, — я стал совладельцем большого банка «Вильсон и К°» и обладаю такой ошеломительной суммой, какой являюсь вы, мисс Мэри Овей, владелица ренты в два миллиона долларов... Теперь рассказывайте вы...

— Что я могу о себе сказать? — ответил мисс Мэри. — Я только могу сказать, что и была и останусь богатой. Моя жизнь проходила спокойно, я всё время мечтала иметь такого мужа, как вы, а не такого обыкновенного, как все другие. И вот моё желание сбылось. Дайте мне свою руку... Я полюбила вас с первого взгляда.

Они ещё немного поговорили, и мистер Вильсон стал прощаться:

— Всё хорошо, милая Мэри! Завтра в одиннадцать карета, пастор, церковь и — вместе, Мэри, навсегда вместе!

— Искалеченный мужчина! — восклицала мисс Мэри после ухода мистера Вильсона. — Замечательный человек, с ним я ещё много интересного переживу... Что это за кинг он оставил? Она, как всегда, вызвала у него из кармана.

Взвев с уязвленным кингом в руки, она раскряпа и прочла заголовок: «Искусство ошеломлять молодых девиц, чтобы они влюблялись в джентельмена».

— Гм, — разочарованно проговорила мисс Мэри. — Она открыла первую страницу и увидела подчёркнутую строку: «Романтизм расквашено можно поймать любовью...»

На следующий день в девятом часу утра мистер Вильсон получил телеграмму: «Прощай, аферист! Я навела о вас справку. Вы ничтого замечательного не совершили из того, что вы о себе рассказываете, вы никого не убили и даже не обокрали, вы абсолютно обыкновенный сын Чарльза Вильсона, сын обыкновенного честного гражданина! А у меня-то сложилось о вас хорошее мнение, мерзавец! Между нами всё конечно. Никогда не попадайтесь мне на глаза!»

Перевёл с чешского
Октябрь КОЧАРОВ

Десяти яхт вышли в море.

ПАРУСА В МОРЕ

Ленинград — город водного спорта. Десятки спортивных баз и клубов расположены по берегам Невы. А на Петровском острове, прямо против стадиона имени С. М. Кирова, находится самый большой яхт-клуб в стране — Ленинградская водно-спортивная станция профсоюз.

150 судов насчитывает флот яхт-клуба. Здесь можно увидеть и маленькие швертботы, расставленные на одного человека, и быстродвижущие гоночные яхты новейших конструкций, и большие крейсерские яхты водоизмещением в 15—20 тонн, на которых могут выйти в море более 20 человек.

Человек, впервые попавший в яхт-клуб и познакомившийся с его людьми, удивится разнообразию их профессий и возрастов.

Вот стоит в северной гавани яхта «Двина». На ней плавает бравый спортсмен, посвятивший много лет занятию вярванным спортом, технолог завода имени И. В. Сталина Александр Терентьевич Тун. Под его руководством новички, токари завода, комсомольцы Геннадий Цветков, Глеб Абрамов и другие изучают основы судна, учатся управлять парусами.

Капитан яхты «Волхов» — академик Пётр Иванович Луицкий. Всё свободное от научной деятельности время летом Пётр Иванович проводит на яхте, принимая участие в соревнованиях и дальних походах.

Командир одной из гоночных яхт класса «Л-3» — студент оптико-механического института мастер спорта Юрий Корольев.

Большую работу с молодежью проводит капитан яхты «Сюрприз» инструктор-общественник профессор М. А. Дементьев.

Среди занимающихся парусным спортом особенно много молодежи. Комсомолец студент университета А. Лазарев, студентка Гидрометеорологического института Л. Симанова и студент железнодорожного дела Октябрьской дороги А. Яковн завоевали почетные звания чемпионов города.

В южной, или, как её здесь называют, рабочей, гавани разместились флот детской спортивно-парусной школы яхт-клуба. Под руководством опытных тренеров 300 юношей и девушек учатся морскому делу, изучают навигацию и живо, морскую практику и сигнализацию. Мастера спорта Пыльков и Назаров, тренер Добровольский с большой любовью и знанием дела обучают молодежь самостоятельному управлению яхтой, совершая с нею увлекательные походы.

Крепко привязываются к морю люди, занимающиеся парусным спортом. Немало юношей, пришедших в яхт-клуб, становятся в дальнейшем моряками, выбирают профессию, связанную с морем.

Наряду с учебными плаваниями спортсмены участвуют в соревнованиях, гонках на веревство города, республики, страны.

Ежегодно в центре города, между Кировским и Республиканским мостами, проводится большой водный праздник гребцов и яхтсменов — соревнования на «Кубок Большой Невы». На эти соревнования приходят сотни тысяч ленинградцев.

Для того, чтобы молодежь привыкала к морю, приобретает опыт управления судами, мореходные качества, яхтсмены уходят в дальние походы по Финскому заливу, Балтийскому морю, Ладожскому озеру.

За последние годы ленинградцы побывали в Выборге, Галлине, Риге, Калининграде, прошли тысячу миль. Шторм, пикал, туман, безветрие — всё встречалось на пути. Но яхтсмены всегда выходили победителями из борьбы со стихией.

Д.М. КОРОВЕЛЬСКИЙ,
мастер спорта

Яхты на рейде.

Команда детской парусной школы яхт-клуба готова к походам.

Юные яхтсмены комсомольцы Николай Коробков, Геннадий Сиренев, Евгений Абрамов поднимают флаг навигации на яхте «Лира».

Чемпион Ленинграда по швертам студент III курса комсомолец Л. Лазарев на тренировке.

Команда Советского Союза, чемпион Европы по баскетболу.

ЧЕМПИОНЫ ЕВРОПЫ

К. ТРАВИН,
заслуженный мастер спорта

Баскетбол — один из самых увлекательных и полемных видов спорта — привнес в занимающимся умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, воспитывает выносливость, быстроту, резкость, чувство коллектива.

Первые баскетбольные состязания в России были проведены в 1908 году. Но бурное развитие этой замечательной игры началось лишь после Октябрьской революции.

За короткое время баскетбол стал любимейшим видом спорта советской молодежи.

Развиваясь самостоятельно, без какого-либо влияния Запада, отечественный баскетбол достиг больших успехов. Опираясь на советскую систему физического воспитания, наши баскетболисты создали новую школу баскетбола, ярко отличающуюся от западной своей коллективностью и активностью ведения игры, рациональностью и простотой техники, всесторонней физической подготовкой каждого игрока и, главное, несравнимой волей к победе.

Сотни команд, мужских и женских, стали оспаривать первенство городов, республик, страны.

В развитии и совершенствовании женского баскетбола горячее участие принимали лишь заслуженные мастера спорта: Еважия Белова, Анна Лескова, Валентина Журавлёва, Мария Орахелашвили (Карасёва), Вера Бессонова (Пущикова), Екатерина Мефодьева, Вера Серова, Мария Козлова, Еважия Рабушкина.

В 1935 году женская сборная команда страны выезжала для товарищеских игр в Париж. И когда после первых же встреч выяснилось, что напару русских, их ана-

лю баскетбола, быстрее и ловкости франуженки не в состоянии ничего противопоставить, против советских баскетболисток выступил сборный мужской коллектив. Но и здесь победу со счётом 32:30 одержали советские спортсменки.

В 1946 году в команду пришла талантливая молодёжь, сменив ветеранов баскетбола: сёстры Рабушкины, Лидия Алексеева, Валентина Копылова, Тамара Максеева, Нина Максимова, Нина Максимальнова, Нина Липенцова, Юлия Бурдина и другие. Это они

Знаменитая игра первенства Европы 1952 года. Встреча команд СССР и Чехословакии. Острый момент у корзины чешских спортсменок.

с разгромным счётом советские баскетболистки победили швейцарских. На матче опоздали защитницы швейцарской команды, и ещё один мяч вошёл в кольцо.

встретились в сентябре 1946 года с национальной командой Франции и сборной коллективизации Парижа, Ниццы, Марселя и других городов и во всех встречах одержали победу с общим счётом 478:89.

Перед состязаниями реакционная пресса Франции высокомерно заявила, что слабеют русские решили поучиться играть в баскетбол.

Внушительные победы советских баскетболисток заставляли те же самые газеты признать, что советским спортсменам не только нечему учиться у французов, а наоборот, «они привели новый, ещё до сих пор невиданный баскетбол».

В 1947—1951 годах женская баскетбольная команда СССР принимала участие почти в 90 международных состязаниях и всюду неизменно выходила победительницей, демонстрируя совершенство советской школы, удивляя зарубежных зрителей баскетболом всё новыми и новыми достижениями.

Советская женская команда неоднократно одерживала верх над командами Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Дании, Люксембурга, Швейцарии, Финляндии, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии и Германской Демократической Республики.

На матче в знак победы всякий раз гордо взвизгивал красный флаг, звучал Гимн Советского Союза.

Занимаясь спортом, закаляясь и мучая в тренировках, советские баскетболистки успешно учились, работали.

Заслуженный мастер спорта Орахелашвили окончила Институт физкультуры, сейчас воспитывает достойную смену мастеров. Заслуженный мастер спорта Мария Козлова окончила Институт имени Менделеева, защитила кандидатскую диссертацию.

Екатерина Мефодьева прошла путь от рабочего до наядышка отдела ослото из больших заводов.

Мастер спорта Евгения Зарковская успешно окончила Московский авиационный институт.

В 1950 году сборная команда СССР впервые выступила на втором перенстве Европы в Будапеште. Двадцать стран оспаривало двадцатое авание чемпиона.

С первых же игр советские баскетболисты продемонстрировали свой явное преимуство и заняли первое место.

Общее соотношение забитых и пропущенных мячей за 7 игр — 504:175 в пользу команды СССР.

В 1951 году на XI Всемирных студенческих играх советские спортсменки завоевали авание чемпиона мира среди студентов.

Последнее, третье перенство Европы проводилось в Москве с 18 по 25 мая 1952 года. В борьбе за первое место снова включились команды двенадцати стран.

Много молодежи вошло в состав советской команды: комсомолки-студентки Института физической культуры Валентина Назаренко, Галина Стёпина, Даядра Уаступе, студентка Тартуского университета Майя Отса, студентка Института авадораторского транспорта Нина Урдият.

Двадцать пять тысяч москвичей с интересом наблюдали напряженные состязания.

Сборная команда Советского Союза во второй раз завоевала почетное авание чемпиона Европы при соотношении очков 424:112.

Третье перенство Европы убедительно показало преимуство советской школы баскетбола над буржуазной.

В первую пятёрку, помимо команды СССР, вошли Чехословакия, Венгрия, Болгария и Польша — страны, которые успешно осваивают советскую тактику, технику и методику подготовки баскетболистов.

Спортсменки стран народной демократии горно благодарили своих советских друзей за помощь. «Незабываемым останутся для нас дни», — сказали чешские, болгарские, румынские, польские, венгерские баскетболистки, — которые мы провели вместе. Мы всегда будем помнить вашу помощь, заботу и любовь!»

На третьем перенстве Европы ярко определился две школы баскетбола: это прогрессивная советская школа и школа Запада, поощряющая индивидуализм и схематизм ведения игры.

Команда СССР выступила в составе заслуженных мастеров спорта Лидия Алексеевой (капитан), Нина Максимовой, Тамары Моисеевой, Валентины Копыловой, Евгения Зарковской, Раяса Маметьевой, Нина Урдият, Зоя Смирнова, мастеров спорта Галины Стёпиной, Любови Лобановой, Валентины Назаренко, пероваряжинок Майя Отса, Ольги Гомельской, Даядры Уаступе.

Советские спортсменки знают, что высокое авание чемпиона Европы ко многим обязывает. Предстоит ещё много работать над дальнейшим повышением результатов, совершенствованием и совершенствовать советскую школу баскетбола, подготавливать достойную смену. Только это поможет высоко нести авание советского спорта.

Их авания уюмизу

Перед нами номер крупнейшего европейского спортивного журнала «Мируар-Спринт». На 14-й странице под рубрикой «Клуб друзей «Мируар-Спринта» из номера в номер помещаются лучшие из присланных читателями журналу на конкурс фотографии.

Под № 1 помещены фотоснимок, где изображена группа людей, уносящая с поля бесчисленное тело регбиста. Подпись сбону гласит: «Эта великолепная фотография прислана М. Горе и срывается при помощи телерадиоаванта во время матча «Селтикс — «Алиби». Защитник на «Алиби» Вердие бодыханного уносит с поля».

Присуждение первого места такому фотоснимку не случайно. Горы сплетенных тел, давящие друг друга игроки, регбисты, уносимые с поля с трагическими криками, неизменно фигурируют в буржуазной прессе, в кинохронике. Автору этих строк довелось видеть немалое число, посвященные игре в регби. На зрание мелькали аваченные лица, коучающиеся от боли игроки, ючи девушек. Все это сорпозондалось днинами воплими зрителей, синистов и рявом.

Известный в своё время баскетболист Марк Киблер, собланивший большой «доход» регби и занявшийся этим видом спорта, вспоминает: «После каждой тренировки в целый день чувствовал боль во всём теле, колени мои опухали, а лодки бывали обранные».

Если такого тренировка, то можно себе представить, как протекает игра! И действительно, в последний день состязания два регбиста французского клуба «Мазамтан», Форт и Ахьер, получивши такое увачение, что на долгие месяцы вышли из строя; во время встречи Каррасон — Марсель на 25-й минуте Каточанда с переломанными ногами унес с поля; во время матча Франция — Ирландия Нортон получил такое повреждение черепа, а Моллен и Симан были увачены в бессознательном состоянии; на первенстве австралийских команд три игрока были серьезно увачены, и Т. Д. и Т. П.

Ещё секунда — и полузащитный игрок будет лежать на земле.

Грубость и жестокость при игре в регби авачены поощряются устроителями и тренерами. Так, упомянутый нами журнал «Мируар-Спринт» с одобрением отзывается о государственном тренере Австралии Вине Кеа, который считает грубость единственно правильным методом игры. «Он настаивает», — пишет журнал, — чтобы игроки были агрессивны все 80 минут и чтобы каждый удар был чувствительен для противника».

Не удивительно поэтому, что после того, как французская команда выиграла матч австралийцев со счётом 26:15, в следующей игре австралийцы учинили на поле драку.

В драке активное участие приняли и зрители.

Подобные случаи обычные на матчах регби. Не говоря уже о аваченных нравах и жестокости, всечески поощряемых устроителями, самые правила разрешают крайнюю грубость и нечеловечность. На игрока

можно нападать даже тогда, когда он без мяча!

Регби, родной брат американского футбола, родился в США и был завезён в Западную Европу ещё до войны. Нам и авачное другое зрелище, воспитывающее жестокость и грубость, регби особенно рекомендуется реакционерами, верными слугами порабителитель войны. К тому же и доходы от матча по регби составляют весьма и весьма крупные суммы. Но спортивным бизнесменам и этого мало: они стали привлекать и участие в этой зверской игре детей, разнижая недоразвитый авиотан.

Учитывая детский темперамент, отсутствие у ребят серьезной техники и тактики, нетрудно себе представить, как игра превращается, как правило, в обыкновенную драку, в которой калечатся души и тела играющих. А это то как раз и нужно «спортивтемам» детского спорта.

А. КУЛЕШОВ

Продушить противника, стянув ему горло рубашкой, — такое «тактическое» понятие в этой зверской игре.

Не сразу поймешь, что это: кичи или регби? Во всяком случае, результат один — увачение, ранения, смерть!

О РУССКОМ НАРОДЕ

Твёрдость в предрассудках, неумолимость в исполнении — суть качества, отличающие народ российский. О народ, к величию и славе рождённый!

А. Н. Радищев

А разве мы не доказали в 12-м году, что мы русские? — Такого примера не было от начала мира... Мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и чужестранцам.

М. Ю. Лермонтов

Мы, русские — наследники целого мира, не только европейской жизни, но и наследники по праву. Мы не должны и не можем быть ни англичанами, ни французами, ни немцами, потому что мы должны быть русскими...

В. Г. Белинский

...Народ этот (русский. — Ред.) убеждён, что у себя дома он непобедим; эта мысль лежит в глубине сознания каждого... — это его политическая реальность. Умирая на поле битвы... он умирает... за неприкосновенность русской территории.

А. И. Герцен

Русские племя безусловно владычествует в сильнейшем государстве целого мира; для нас неслыханно даже мысль о возможности иноземного гнета...

Н. Г. Чернышевский

...Нет, не завоевателями и эксплуататорами выступают в истории политический русские, как эмигранты и жомолы, а спасателями...

Н. Г. Чернышевский

...В русском человеке видна самая полная способность самой здоровой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствия всякого самовозвышения, вредящего свободе действия.

Ф. М. Достоевский

Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка — эта прямолинейная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта открытость и честность ощущений — все эти хорошие черты хороших русских людей...

И. С. Тургенев

Человек в наши дни должен быть (и становится) настолько большим, чтобы видеть всю страну, чтобы жить жизнью всего нашего необъятного Союза...

А. М. Горький

Этим народом (русским. — Ред.) сделано много дела, у него есть большая история...

А. М. Горький

Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны.

А. А. Жданов

Русский народ выдвинул из своей среды немало людей, которые своим талантом подняли уровень мировой культуры.

М. И. Калинин

СМЕНА
В номере:

- Наш прадед.
- Евг. Евтушенко — Строители Волго-Дона.
- А. Одинов — Раскинулось море широко.
- Лариса Фёдорова — В идальные руки.
- М. Гусинский — Рост.
- Евг. Долматовский — В городе музиста.
- Любовь Заняна — На отпусках канала.
- Г. Кравченко — Конфликт.
- А. Яшин — Шлюз открыт.
- М. Чачко — Книгошница.
- А. Ворисов — Дружба.
- Лев Черноморцев — На Бассе.
- А. Догинов — Их стройны.
- Яросла Гашек — История жизни.
- Дм. Королевский — Парус в море.
- К. Травня — Чемпионы Европы.
- А. Кулешов — Школа убица.

На первой странице обложки: Первый паролот, Рисунов В. Богаткина.

На четвёртой странице обложки: На рейде. Фото А. Гаранина.

Оформление номера В. Урица.

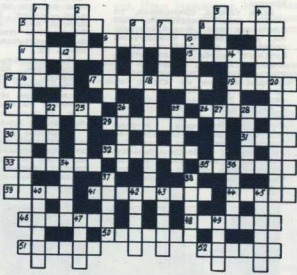

КРОССВОРД

Составила Е. Кириянова (г. Загорск)

- По горизонтали:
5. Советский пианист.
 8. Персонаж романа Александра «Далеко от Москвы».
 9. Небесное тело.
 11. Телеизда для железнодорожников.
 13. Направление в искусстве.
 15. Место, где начинается река.
 17. Предварительное, пробное исполнение пьесы, концерта и т. д.
 19. Удаление сорных растений.
 21. Советский композитор.
 24. Командующий авиацией.
 29. Млекопитающее из отряда котов.
 30. Лошадь малороссийского порода.
 31. Птица.
 32. Остров в Средиземном море.
 33. Дева.
 35. Самодвижущаяся машина.
 39. Число, состоящее из частей единицы.
 41. Отец русской авиации.
 44. Французский философ-материалист.
 46. Русский флотоводец.
 48. Озеро на Кольском полуострове.
 50. Советская союзная республика.
 51. Глубина погружения судна.
 52. Автор романа «Обвод».
- По вертикали:
1. Полный круг вращения.
 2. Историческое ме-

- сто под Москвой.
3. Приток.
4. Здание железнодорожной станции.
6. Опера Делла.
7. Лауреат международной Сталинской премии.
9. Форма измененной системы слов.
10. Войсковое соединение.
12. Освещение неба над горизонтом при заходе солнца.
14. Сухопутное восхождение на предмет.
16. Прибор, указывающий скорость движения и пройденное расстояние.
18. Герой романа Бабаевского.
20. Город в РСФСР.
22. Правонад.
23. Река на юге Украины.
24. Персонаж пьесы Горького «На дне».
25. Раднотивный металл.
27. Персонаж оперы Римского-Корсакова «Майская ночь».
28. Выстрел в воздухе.
34. Город в Смоленской области.
36. Романы Тургенева.
37. Музыкальный инструмент.
38. Государство в Азии.
40. Город-герой.
42. Выходы осенних посевов.
43. Горная антилопа.
45. Великий английский учёный.
47. Кормовая трава.
49. Расстояние на семействе лилейных.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

- По вертикали:
1. Мереслеп.
 2. Гасанов.
 3. Фандора.
 4. Гасанов.
 5. Новин.
 6. Делетт.
 7. Устав.
 8. Углей.
 13. Труд.
 15. Апель.
 16. Амур.
 17. Дель.
 18. Парос.
 19. Югославия.
 20. Бомбомол.
 21. Птица.
 26. Жандарм.
 27. Смирнов.
 28. Аляска.
 29. Фестиваль.
 33. Социализм.
 36. Басисербол.
 40. Ростов.
 41. Плену.
 42. Гайдар.
 43. Победа.
- По горизонтали:
3. Фадеев.
 4. Мартин.
 6. Делетт.
 9. Страна.
 10. Хангет.
 11. Шамора.
 12. Кантата.
 14. Товарищ.
 19. Комсомольск.
 21. Народ.
 23. Лапта.
 24. Старт.
 25. Зыбма.
 30. Стадион.
 31. Смор.
 32. Роминск.
 34. Аляска.
 35. Динко.
 37. Динко.
 38. Догин.
 39. Дойна.
 44. Абсолют.
 45. Молдия.
 46. Вырвон.
 47. Муханов.
 48. Краснодон.

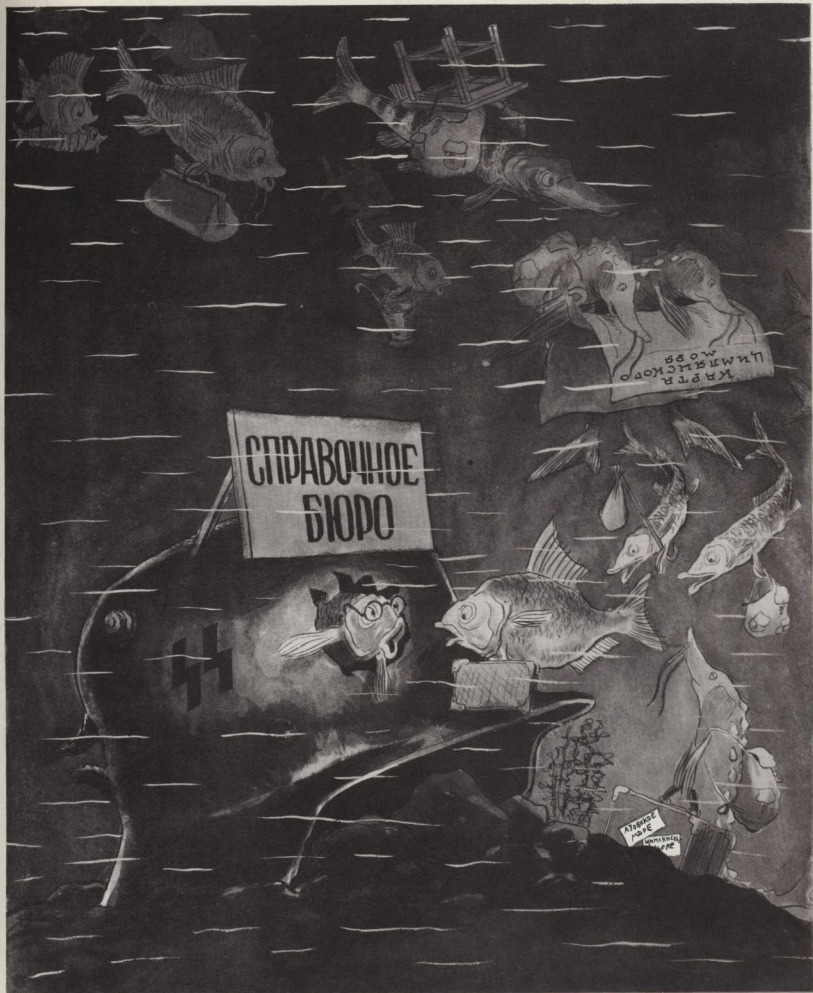
Ответственный редактор — А. Баранов.

Редколлегия: В. Акишев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков, О. Комазов, М. Лукин, А. Никонов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.
Тираж 120 000.

Тел. Д-3-34-24. А 03127.
Изд. № 568.

Подписано и печатано 2/VI 1952 г. Заказ № 1493.
Формат бумаги 70 x 108/16, 1,37 бум. л. — 4,80 печ. л.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В Бонне канцлер лает шавкою,
А на дне твердят: — Старо!

О пути своём за справкою
Завернул бы к нам в бюро.

Стихи Ю. Гордиенко

Цена номера
2 руб.

